

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АГНИЯ АРРО

Моя
ЗАПРЕТНАЯ

Агния Арро

Моя запретная

«Автор»

2026

Арро А.

Моя запретная / А. Арро — «Автор», 2026

Виктор Край — сын влиятельного политика. Звезда европейского бокса. Гордость семьи. Таким его видят все, но сам он видит только ее. Девчонку с медовыми глазами, которая прячет синяки под рукавами растянутой кофты и моет полы во Дворце спорта. У них нет будущего. Слишком разные миры, слишком жесткие правила. Семья никогда этого не допустит. Вот только он не привык сдаваться, и запретное всегда манит сильнее. Она нужна ему. Любой ценой.

© Арро А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	53
Глава 16	57
Глава 17	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Агния Арро

Моя запретная

Глава 1

Виктор

Шесть тридцать утра. Стою под холодным душем, остужая тело после длительной пробежки. Злость жжет вены вот уже несколько месяцев.

Когда твой отец — международный политик, это совсем не престижно и не романтично. Это, скорее, проблема. Большая, жирная и нерешаемая! Потому что его статусу подчинены все.

Я не хотел уезжать из Германии. Я там вырос как человек и, что важнее, как спортсмен. Сильный клуб, хороший тренер, достижения, контракт. Все там. Мне просто не оставили выбора. Из-за гребаной ситуации в этом гребаном мире нас всех «перевели» на родину. Только это его мир, его родина, я ее не помню, не знаю, и в ближайшей перспективе у меня куча проблем с переводом в новый клуб, федерацию бокса, с поисками промоутера. Тренироваться когда? Уже расписывают сетку боев на новый спортивный год. Я должен быть в ней, а не заниматься какой-то откровенной хреню.

Резко выдохнув, задираю голову, подставляя лицо под холодную воду. Она стекает на шею, по груди, раскоченной регулярными тренировками, по напряженному прессу. Никак не могу расслабиться, но, если я не выберусь отсюда сейчас, есть риск завтра слечь с температурой. Только этого мне и не хватает для полного счастья.

Раздвинув полупрозрачные дверцы душевой кабины, обматываю бедра полотенцем и выхожу в комнату, наполненную бледным утренним светом. Весна здесь пока только календарная, напоминает, скорее, позднюю осень, но с перспективой на тепло.

Глянув на папку с документами на своем столе, быстро одеваюсь и спускаюсь на первый ярус или этаж, хрен разберешь. Мама в идеальном образе жены политика и бизнес-леди делает вид, что умеет готовить, пока не нашла домработницу. Мне нужны мои витамины и полноценный завтрак, который я соберу себе сам, не рискуя пробовать стряпню этой красивой женщины.

— Доброе утро, Вик. — Мама касается моего плеча.

— Доброе. — Залпом выпиваю стакан воды и ставлю вариться яйца.

— А может, ты на всех пригостишь? — просит она, протягивая мне еще два яйца. — А я пока сделаю деловой звонок.

— В семь утра? — усмехаюсь, глянув на нее. Мама обезоруживающе улыбается. Иногда, очень редко, она умеет это делать, особенно когда ей что-то нужно. — Приготовлю, иди, — сдаюсь.

— Спасибо. — Она отходит на несколько шагов и разворачивается. — Кстати, сегодня Беляевы на ужин придут. — Вот, я же говорил, ей что-то нужно. — Ты бы пригласил Леру куда-нибудь. Совсем за своими тренировками ничего не видишь, а девочка заскучала, ей нужно внимание. Невеста все-таки.

Закатив глаза, молча киваю. Это еще одна причина, по которой я не могу выражать счастье от переезда, которого так от меня ждут. Злость снова жжет изнутри, и я не чувствую температуры сварившихся яиц, снимая с них скорлупу. В моей тарелке идеальный баланс белков, жиров и сложных углеводов. Вес 89,7, почти потолок в моей категории. Можно не сбрасывать, я в хорошей форме, но надо следить.

Отец выходит из кабинета и садится за стол.

— Мы теперь все на спортивной диете? — хмыкает он, глянув в свою тарелку, пока мама добавляет в порцию каши свежие ягоды и украшает ее листьями мяты.

— Можно иногда проявлять солидарность к членам своей семьи, — ухмыляюсь. — Не только нам под тебя подстраиваться.

— Тебе стоит смириться с переездом. — Его тон становится угрожающе-прохладным.

— Ты отнял у меня большую часть моей жизни. С этим сложно смириться.

— Я обещал тебе, что здесь не будет хуже, — напоминает родитель. — Я также заинтересован в твоём успехе. Сегодня говорил с немцами о твоём контракте.

— И что? — отодвигаю от себя пустую тарелку и тянусь к стакану с водой.

— Вайс ищет лазейки, чтобы вернуть тебя в Баварию. Тянет время. Но я думаю, он просто набивает цену, и мы в итоге сторгуемся.

— А может, лазейки все же есть, ты просто не хочешь их видеть? — прямо спрашиваю у отца.

— Их нет, Виктор. Ты больше не можешь представлять интересы Германии, мы не можем находиться на их территории. Это закон!

— Это тупой закон, — бешусь я. — Твоя карьера ломает мою.

— Я нашел хорошего юриста, и сегодня в двенадцать ты должен встретиться с Гордеевым. Говорил тебе про него, опытный промоутер, который будет представлять здесь твои интересы.

— Он будет представлять *твои* интересы, — резко ставлю пустой стакан обратно на стол. — Я сказал, что с меня хватит политических игр. Не лезь с ними в мой спорт. Я разберусь сам.

— В Баварии ты уже разобрался! — рывкает отец, стукнув кулаком по столу. — Теперь я разгребаю, а у тебя здесь не будет боев, пока мы это не решим.

— Сказал же, разберусь, — поднимаюсь из-за стола.

— Мы не договорили, Виктор.

— Мы? Договорили. — Разворачиваюсь и иду к лестнице.

— Встреча в полдень, — напоминает родитель.

— Удачи, — бросаю и поднимаюсь к себе. Мне пора собираться. Если верить навигатору, до Дворца спорта ехать не меньше часа.

Черный BMW ждет на подземной парковке. Так отец хотел компенсировать переезд. Глупо отказываться от единственного плюса в этой ситуации.

Я уже немного адаптировался к местному движению, к дорогам, к манере вождения, но ориентируюсь все равно плохо. Послушно следую по навигатору от широких проспектов к улицам поуже, пока передо мной не возникает строение с вывеской «Дворец спорта». Боксерский клуб Юрия Германовича Терехова базируется в этом здании.

Прежде чем принять решение, его биографию, спортивные достижения и тренерские успехи я изучил очень тщательно. Терехов делает из парней крутых спортсменов и чемпионов. Его уважают в сообществе, к нему прислушиваются. Он работает и с любителями, и с профессионалами. В его команде есть бойцы в моей весовой категории, и мне будет с кем спарринговаться.

На выбор было несколько хороших, уверенных клубов, но этот определенно лучший, и я намерен работать с ним. Это мой выбор, а не политика-отца.

Оставляю машину на парковке и уверенно иду в здание. Прохожу турникеты и пост охраны. Мне объясняют, как найти тренера. Пересекаю холл, попадаю в коридор, и фоновый шум постепенно сменяется знакомыми звуками ударов.

Толкаю двери зала. Вхожу в полумрак и вижу мощного, уверенного мужчину, работающего с боксерским мешком. Прислоняюсь к стене, наблюдаю, как он двигается, как думает, как бьет.

— Доброе утро, Виктор. — Терехов замечает меня. — Присоединишься?

— С удовольствием, — довольно улыбаюсь.

— Раздевалка дальше по коридору.

— Понял. Скоро буду.

Без особого труда нахожу нужное помещение, переодеваюсь с армейской скоростью и возвращаюсь в зал. Разминаюсь под наблюдением тренера. Вопросительно смотрю на него: что дальше?

— Два дела одновременно можешь делать?

— Вполне, — киваю ему.

— Работаем без фанатизма, я твои медицинские справки не видел. Покажешь, как двигаешься, что с техникой, и немного поговорим.

— У меня все нормально со здоровьем.

— Не сомневаюсь. Работаем, — приглашает он.

Начинаю двигаться, легко, на носках. Проверяю амортизацию, пространство. Пару джебов в воздух. Чисто.

Тренер надевает лапы. Работаем сериями по три-четыре удара. Без силы, на скорость, технику, как он и хотел. Джеб — шаг — смещение. Правая — уход в сторону. Я не вкладываюсь, но тело просит ускориться, пойти в контратаку, нанести настоящий удар.

— Злость должна быть подконтрольной, — говорит Терехов, — иначе это превращается в проблему. После того как я посмотрю твои документы и ты пройдешь нашего медика, возможно, у тебя появится допуск в зал. Сбросишь лишнее, чтобы не мешало.

— Мне не мешает, — наношу еще удар по лапам и отхожу, увеличивая дистанцию.

— Упрямый, — усмехается Терехов. Снова комбинация. Он резко смещается, ловит меня на встречном касании по плечу. — Если ты прав, зачем пытаешься что-то доказать? — Сжимаю челюсть. Исправляюсь. Работаю чище. Короче. Без лишних движений. — Ну вот, теперь включилась голова. Хорошо, — останавливаясь, кивает он. — У тебя хорошая школа. С уважением отношусь к немецким коллегам.

— А к остальным? — поддавливаю его.

— И к остальным тоже. Если ты не уважаешь соперника, он превращается в твоего врага, а это уже не бой, а драка. Мы здесь такому не учим. Пойдем. — Он указывает мне на двери. В них как раз входят несколько парней. — В кабинете договорим. Тут тренировка сейчас.

Правда, это не кабинет, тренерская, и тут гораздо комфортнее, чем у спортивного директора, к примеру. Те любят офисный пафос. Тут же все просто и знакомо. Присаживаюсь на стул. Тренер устраивается за столом и открывает папку с моими документами. Долго и внимательно изучает.

— Призовые в баварских чемпионатах, международные молодежные турниры, — перечисляет он, — и неплохой старт при переходе в профессиональный бокс. Что с немецким контрактом?

— В процессе расторжения, — смотрю в очень внимательные глаза тренера.

— Пока этот вопрос не будет решен, ты не сможешь оформить здесь документы, получить лицензию, заявляться на профессиональные турниры и претендовать на места в рейтинге.

— Знаю. Я ищу выход.

— А что говорит твой отец? — Он вдруг упоминает родителя, хотя сюда я пришел не по его протекции.

— Хочу решить это без него. Мне хватило того, что я при переезде все потерял, — сжимаю руки в кулаки, надеясь, что он не увидит.

— Ты не потерял опыт, технику и свои мозги. Наша школа отличается от немецкой, и я вижу то, над чем нужно работать, прежде чем ты выйдешь на ринг. В моем клубе есть правила, их придется соблюдать. Но сначала документы. Сейчас подвешенное состояние дает тебе право лишь тренироваться, но мы не сможем определить цели и работать на них, пока не будет бюрократической опоры. Такие правила.

— Но бои начнутся уже скоро. Может, можно обойти?

— Нет. — Он качает головой. — Никто тебя не допустит, понимаешь, Вить? Расторгнешь контракт с немцами, обсудим, а пока... — Терехов закрывает папку с документами. — Можешь пройти медосмотр и приходить на тренировки в частном порядке.

— Вот черт, — зажмуриваюсь и еще крепче сжимаю руки в кулаки. — Ладно, я понял. Спасибо.

Поднимаюсь резче, чем стоило бы. Выхожу в коридор, нечаянно хлопнув дверью. Злость на отца, на дебильную ситуацию раскаляет нервы. Резко шагаю вперед, заворачиваю за угол и со всей дури влетаю в ведро. Оно опрокидывается, грязная вода разливается по полу, оставляет брызги на моих штанах.

— Да твою мать! — срываюсь, подняв взгляд и увидев девушку в халате уборщицы, прижавшую к груди швабру. Она смотрит на меня широко распахнутыми медовыми глазами и будто еще больше сжимается.

Зашибись! Это она меня так испугалась?

Глава 2

Вера

Когда мир становится шире удаляющейся спины злого, как сам дьявол, парня, я осознаю масштабы случившейся неприятности. По бетонному полу растеклась огромная грязная лужа, и от нее уже успели расползтись чьи-то следы. А это был последний участок на сегодня, и мне так нужно бежать домой, но и оставить лужу я, конечно же, не могу.

Проклинаю себя за то, что на угрозу тело реагирует быстрее головы, иду в подсобку за тряпками.

Надо было что-то сказать ему, потребовать извинений. И самой же смешно становится. Знаю, что бывает, если открываешь рот перед мужчиной в плохом настроении. Нет уж, молчать безопаснее, а вода... Да и бог с ней. Что я, не соберу ее, что ли?

Это даже успокаивает. Руки только устали от того, что тряпки все время отжимать приходится, но это не страшно, работы я не боюсь. А он, он... Нахрен пусть идет. Вот!

И мне снова становится смешно от того, как эти слова прозвучали в мыслях. Будто совсем чужие. Бабушка слишком хорошо меня воспитала.

Подумав о ней, ускоряюсь с уборкой. А закончив, снимаю халат в подсобке и заталкиваю в потрепанный рюкзак. Оглядываюсь. Ничего вроде бы не забыла. Рукава серого свитера натягиваю до середины запястья. Сверху надеваю болотную парку, прячусь в капюшон и покидаю Дворец спорта.

Хорошо хоть в метро сейчас народу не так много. Никто не притирается, не толкает. Я спокойно добираюсь до своей станции, а от нее еще некоторое время иду пешком до обычной панельной девятиэтажки, где ремонт в последний раз делали, кажется, еще до моего рождения.

Утрирую, конечно. Года три назад подъезды красили, но краска уже где-то облупилась, а где-то все исписано глупыми признаниями в любви или пошлыми шутками. Пахнет влажностью. Хочется распахнуть все окна и впустить сюда свежий воздух. Вместо этого вхожу в лифт и поднимаюсь к своей квартире.

Тут же спотыкаюсь об огромные ботинки отца в прихожей и вдыхаю совсем другой запах — болезни и алкоголя, въевшегося в обои, мебель и потолки.

Я привыкла ходить тихо, как кошка на мягких лапках, чтобы меня лишний раз не замечали. Прокрадываюсь к гостиной. Храп отца отражается от стеклянных дверей серванта. На полу у дивана валяется пустая чекушка из-под водки.

Следующая комната наша с бабушкой. Она лежащая после инсульта, я смогла выбить для нее простенькую функциональную кровать, чтобы было полегче, а сама сплю на односпалке, прижатой к противоположной стене. Между кроватями стол, заваленный лекарствами и моими учебниками, а в углу шкаф для одежды и постельного белья. Так и живем. Ба всегда говорила, что нужно радоваться, ведь у нас есть крыша над головой, а у некоторых и этого нет.

Не знаю. Если бы не она, наверное, я бы лучше напросилась жить в той подсобке со швабрами во Дворце спорта, чем терпеть все это. Но я не могу бросить единственного дорогого человека, еще и оказавшегося в беде по вине того, кто сейчас крепко спит в гостиной. И никому меня не переубедить. Если бы не отец, бабуля была бы здорова.

Увидев меня, она приветливо мычит и шевелит пальцами на руке.

— Привет-привет. Прости, что опоздала. Один придурок опрокинул ведро с водой, пришлось убирать, — жалуюсь ей. Она снова что-то мычит в ответ. Мне хочется верить, что поддерживает. — Сейчас я тобой займусь, ба. Руки только помою.

Мне многому пришлось научиться за последние полтора года: и уколы делать, и в лекарствах разбираться, и массаж, и упражнения. Иногда такое отчаяние накатывает и силы заканчиваются, но я не сдаюсь.

Шмыгнув носом, умываюсь прохладной водой, тщательно мою руки с мылом и крадусь обратно в комнату.

— Сначала укол, — говорю ей, — а потом мы тихонечко сделаем упражнения. Ты не шуми, ладно? Отец спит. Мне на учебу еще. Сегодня две пары поставили практически вечером. Мне поэтому и пришлось со сменщицей меняться и мыть Дворец в первой половине дня.

Прислушиваюсь к звукам из гостиной. Отец еще храпит, и я принимаюсь за упражнения, которые для нас расписал платный врач-реабилитолог. В поликлинике на бабуле давно крест поставили, и мне пришлось потратиться на консультацию специалиста в другом месте. И профессор из училища кое-что подсказал.

Бабушка мычит, ей тяжело, иногда больно, но я не останавливаюсь, повторяя и ей, и себе, что нам необходимо заниматься.

Заканчиваем. Я устало присаживаюсь на свою кровать и смотрю, как по морщинистой щеке ба стекает слеза.

— Знаю, — вздыхаю. — Мне тоже сложно.

Храп в гостиной стихает. Нехороший знак. Внутри все сжимается, готовясь к очередным проблемам. Только прятаться в комнате некогда. Нужно принести тазик с водой, полотенце.

Выглядываю из спальни. Отец повернулся набок. Вроде спит еще. Ладно. Мне надо набрать теплой воды, чтобы провести гигиенические процедуры и поменять бабуле памперс.

— Опять вонь на всю квартиру! — рывкает отец, когда я иду из комнаты с мусорным мешком. Голова тут же вжимается в плечи, и я молча отношу все в ведро в туалете. — Когда она уже сдохнет?

— Как ты без ее пенсии жить будешь? — вырывается у меня.

— Хоть какая-то польза, — хрипит отец. — Сигареты мне принеси.

— Сейчас.

Забираю с подоконника на кухне пачку и несу ему. Открывает, внутри одна сигарета и дешевая зажигалка. Он ею чиркает, а она не загорается.

— Сука! — Отец швыряет ее в меня, словно я виновата в поломке. — Спички принеси.

Подчиняюсь. Он закуривает прямо в комнате. От дыма тут же режет глаза и дышать становится труднее.

— Иди на балкон, пожалуйста, — тихо прошу отца.

— Тебя забыл спросить. За сигаретами сходи, — требует он, кинув на пол смятую пачку.

— Я не успею, и у меня нет денег, — вру. Деньги есть, немного и точно не для него.

— Значит, найди! Ты же работаешь, — жестко усмехается он.

— Тебе бы тоже не помешало устроиться, — зло выпаливаю я.

— А я тебя для чего рожал, растил, кормил? Теперь ты обязана об отце заботиться.

— Мама меня рожала...

— Заткнись! — орет он. — Умная дохрена стала. Давно мозги на место не ставили тебе? — Поднимается. Я делаю шаг назад. — Неблагодарная соплячка, — замахивается отец. Бабушка из соседней комнаты все отлично слышит и громко мычит, а я стою на месте, зная, что бежать некуда, да и он только больше разозлится.

«Промолчать надо было. Во Дворце промолчала, а сейчас чего? Осмелела, дура», — ругаю себя. Но как же он меня злит. Как же я его боюсь. И я устала. Я просто очень устала...

Вместо удара отец резко меня толкает. Ударяюсь рукой о косяк и зажмуриваюсь. Ничего, это даже не больно.

— Сигареты купи, — напоминает он и уходит в туалет. Матерится оттуда, а я собираюсь и бегу в ближайший магазин за самой дешевой пачкой, чтобы он только на бабушке не срывался, когда курить захочет.

Ненавижу его. Так нельзя думать о своих родителях, они дали мне жизнь. Бабушка учила. Но отца я ненавижу всем своим сердцем и, купив ему эти треклятые сигареты, практически кидаю их на кухонный стол. Забегаю к бабуле, чтобы поцеловать ее шершавую щеку.

— Я тебя люблю, — шепчу ей на ухо и убегая на учебу, понимая, что снова опаздываю.

Злюсь на парня, опрокинувшего ведро. Он мне все расписание сломал своей тупой выходкой.

Почему мужчины такие?

Глава 3

Виктор

Я уже несколько часов бесцельно катаюсь по городу. Только поесть заехал и снова за руль. Из головы не выходит реакция той девчонки. Таких перепуганных глаз я, наверное, никогда не видел. А когда такой взгляд еще и на тебя направлен...

Хреново вышло с ведром и с ней, но я не хотел обидеть, а тем более напугать. Маленькая, хрупкая, кудряшки каштановые, смешные, из хвоста повыбивались. Даже не понял, как успел разглядеть это все. А может, приглючило?

Могло. Я еще слишком зол на отца и обстоятельства, чтобы обращать внимание на девушек. Родитель, кстати, уже раз десять звонил. На встречу с его человеком я так и не поехал. К черту. Этот вопрос я должен решить сам, и сделать это необходимо как можно быстрее. И так из-за переезда большой перерыв получился.

Я собираюсь вернуться на ринг этой весной, но не за счет отца. Сидеть на его крючке не так круто, как может кому-то показаться со стороны. Мы с матерью неизбежно зависим от него в некоторых других вещах. Бокс я собираюсь оставить только себе, и раз он все равно будет частью общей политической игры, то хотя бы правила в ней я смогу устанавливать сам.

Больше ни о чем не могу сейчас думать. Девчонка, ведро, заляпанные штаны, отец, незнакомый город, чужая страна — все уходит на задний план. Мои мысли вертятся только вокруг поставленной цели и поисков ее быстрого и эффективного достижения.

Домой приезжаю только к вечеру. У меня по расписанию тренировка в зале.

На мое счастье, квартира пуста, и я быстро пересобираю рюкзак, беру полотенце, набираю воды в бутылку и отправляюсь к соседней многоэтажке, где половину первого этажа занимает современный фитнес-центр.

— Привет, — здороваюсь с администратором, прикладывая карточку. На экране ее монитора появляется моя фотография, и, машинально кивнув, иду дальше, в раздевалку.

В тренажерном зале уже знакомые лица. Сюда я пришел сразу, как мы приехали и башка после перелета перестала гудеть. Умеренные физические нагрузки помогают снять отеки и другие неприятные последствия путешествий по небу. С тех пор я здесь каждый вечер, поэтому невольно запоминаю тех, кто ходит так же часто.

Работаю суперсетом, чередуя тренировки на разные группы мышц и отдыхая не между подходами, а между серией подходов. Так времени теряется меньше, а тренировка выходит продуктивнее.

Сегодня у меня спина и ноги. Они для боксера важны не меньше, чем руки, ведь мы все время находимся в движении, принимаем удары. Важны и скорость, и устойчивость, и координация.

Вода в бутылке заканчивается. Иду к кулеру, набираю еще и вижу пропущенный вызов на экране мобильного. В этот раз от матери. Перезвоню позже, пока занят.

Делаю глоток прохладной воды и иду к следующему тренажеру, чтобы завершить сет и перейти к беговой дорожке. Тут у меня сорок минут пробежки не на скорость, а на выносливость, со средним подъемом полотна и утяжелителями на ногах.

Заканчиваю. Вытираю лицо от пота и допиваю воду. Затем принимаю душ и нехотя возвращаюсь домой. Переступаю через порог, слышу посторонний смех и...

— Где ты был? — шепчет появившаяся мама. Красивая, как и всегда, глаз не отвести, но крайне недовольная.

— Извини, я про них забыл.

— И в кого ты такой? — смеется она. — Ладно, иди наверх, приводи себя в порядок. Рубашку и брюки тебе уже приготовили.

— Мам, какая рубашка? — со стоном закатываю глаза.

— Белая, Виктор. Красивая, стильная, дорогая. И цветы не забудь, — наказывает она.

— Я не покупал.

— Кто бы сомневался. Все в комнате, просто заberi и спустись к гостям. Лера тебя очень ждет.

К рубашкам я отношусь нормально, когда это уместно, а сейчас меня просто в очередной раз пытаются продать, завернув в красивую обертку. Семье выгоден этот союз. Когда-то, до нового назначения отца, до нашего переезда в Германию, он дружил с отцом Леры. Ее саму я не помню, маленький был, как и про дружбу семей знаю лишь из коротких рассказов. Для меня все эти люди чужие.

Откровенно говоря, я считаю, что и для моих родителей тоже, потому что много лет мы жили в разных странах и ничего общего у нас не было. А теперь есть — желание заключить политический и бизнес-брак детей, чтобы увереннее чувствовать себя на местном рынке.

Лера красивая, умная и вроде даже что-то ко мне испытывает, но это должно быть взаимно, а моей единственной любовью всегда был спорт.

В Баварии времени на отношения тоже не было. Я жил от турнира до чемпионата, а между ними тренировки, так что девушек выбирал легких, готовых на секс без обязательств. Никаких претензий, упреков, истерик. Это было просто. А теперь у меня рубашка, цветы, купленные для моей девушки моей матерью. Похоже на страшный сон, но, наверное, спорт научил меня брать на себя ответственность, и приходится переодеться, постараться изобразить не слишком зверскую улыбку и выйти к гостям.

Отец буквально расчленяет меня взглядом, но держит лицо. Иногда я думаю, что он родился сразу политиком.

— Добрый вечер, — здороваюсь со всеми. — Привет, — протягиваю Лере цветы.

Она принимает их с улыбкой, а затем легким движением поправляет воротник моей рубашки.

— Такие милые, — восторгается мама невесты. — Все еще не верится, что они выросли. Когда успели?

И родители начинают обсуждать наше детство. Стойкое ощущение, что говорят вообще не про меня. Я сажусь за стол и наливаю в свой стакан воды. Все происходящее напоминает бал лицемеров. Чтобы не слушать, беру телефон и продолжаю изучение страниц местных промоутеров. Кто с кем работает, чего добились и так далее.

— Вить, — зовет Лера. Ее пальцы касаются моих в попытке привлечь внимание. — Можем уйти отсюда, если хочешь, — предлагает она. — Пусть родители общаются, а мы погуляем или фильм посмотрим у тебя в комнате. — Ее щеки слегка розовеют, а глаза обещают больше, чем сказанное вслух, и я знаю, что физически мне будет с ней хорошо, но не сегодня.

— Извини, я адски устал. — Мои мысли сейчас не о ней и не о сексе. Не хочется еще больше портить себе день. — Я, может быть, завтра за тобой заеду.

— Может быть? — Она недовольно морщит нос. — Когда мы виделись в последний раз?

— Не помню, — честно признаюсь невесте.

— А я помню, — шепчет она. — Две недели назад, в отеле. Когда ты переспал со мной и исчез.

— Я никуда не исчезал, Лер.

— Ты мне даже не позвонил ни разу. Я твоя невеста, а не девка для сброса напряжения.

— Окей, — внутренне завожусь я. Злость, что кипела внутри весь день, вновь набирает температуру. — Чего ты хочешь? Свидания?

— Вероятно. — Лера поджигает губы и обиженно смотрит в свою тарелку.

— Минуту назад ты предлагала мне секс, — усмехаюсь.

— И фильм, — напоминает она.

— Да брось. Мы оба знаем, что фильм никто бы смотреть не стал. Мы бы его даже не включили.

Наверное, постель — это единственное честное, что нас с ней связывает. У меня, конечно, нет никакого опыта в отношениях, но я уверен: этого мало для того, чтобы построить что-то настолько серьезное, как семья.

— Ладно, — сдаюсь. — Придумаю что-то.

— Когда? — Ее глаза тут же загораются.

— Не знаю. Сейчас мне нужно решить проблему, мозги заняты этим.

И страхом той девчонки со шваброй. Он тоже застрял где-то в мыслях и не дает покоя.

— Сейчас твоей главной проблемой должна быть я, — злится Лера.

— Ты права, — резко поднимаюсь из-за стола. — Сейчас так и есть.

— Виктор! — рявкает отец.

— Прошу меня извинить, я слишком устал, — разворачиваюсь и ухожу, чтобы не сделать хуже и не обидеть невесту сильнее.

Завтра надо будет извиниться и перед ней, и перед ее родителями. Девочек обижать нехорошо. Они слабее мужчин, даже если ведут себя как раздражающие стервы.

Глава 4

Вера

Просыпаюсь так резко, будто меня толкнули. Спина затекла, комната плывет перед глазами первые несколько секунд. Отлично, я уснула сидя. Снова.

На столе раскрытая тетрадь со смятыми листами. Похоже, записи, сделанные вчера на лекции, отпечатались у меня на щеке. Лучше бы в голове, конечно, пока там пусто. Я даже не понимаю, сколько сейчас времени, ведь за окном темно, но в доме напротив уже горит свет во многих квартирах.

Смотрю на бабушку. Спит. Чтобы это случилось, пришлось вколоть ей легкое снотворное, разрешенное врачами. Отец всех заставил нервничать. Когда я вернулась с учебы, он снова спал. В раковине валялась грязная посуда. У нас снова были «гости», и они бесцеремонно съели приготовленный мною суп. На два дня, между прочим! И хлеба тоже не было. Сил на то, чтобы снова что-то готовить, тем более, и я поужинала парой вареных яиц. Теперь мой желудок недовольно урчит.

Обняв себя руками за ребра, еще с минуту сижу и смотрю на помятую тетрадь. Зеваю и тянусь к телефону. Свет экрана режет глаза, они неприятно слезятся. Половина пятого утра. Кровать так и манит меня к себе. Забраться под одеяло с головой, согреться и провалиться в глубокий, спокойный сон еще на несколько часов. Мечта...

Но вместо этого, вздохнув, я поднимаюсь с табурета и иду умываться. Если сейчас лягу, точно просплю.

— Вот приду с работы и сразу в кровать, — обещаю себе.

Самообман работает. Мозг начинает соображать лучше, и я, заварив себе чай, сижу на кухне и составляю список продуктов, который нам необходим. Потом считаю свои деньги и сокращаю некоторые пункты. Обойдемся.

Снова зевнув, готовлю все необходимое к пробуждению бабушки и сажусь заниматься. Выдираю смятые листы из тетради, переписываю материал. Так он и в памяти лучше сохраняется, и в записях у меня теперь порядок.

— Верка! — хрипло орет отец из гостиной. — Верка, принеси воды, — требует он. — Сдохну сейчас.

А я сижу, думая, что, наверное, я ужасный человек, раз не чувствую ни грамма жалости к отцу и не тороплюсь исполнять его приказ. Я могу спать в это время, в конце концов! Но разве его это волнует?

— Верка! — Он орет громче.

— Как же ты меня достал, — бормочу себе под нос и иду за водой, прекрасно зная, что я не такая смелая, как мне бы хотелось верить, и страх снова быть побитой за непослушание сильнее попыток сопротивляться. Он душит, сжимает внутренности, разжигает огонь в каждой клеточке. — Держи, — протягиваю ему кружку.

— Чо так долго? — Он выхватывает ее дрожащей рукой, разливая часть воды на пол и свое постельное белье.

В комнате стоит вонь от застоявшегося перегара, дешевых сигарет и гадкого одеколona. Не понимаю, когда он успел опуститься до такого. Наша жизнь — это яма со скользкими стенами по кругу. Я по ним карабкаюсь, но каждый раз скатываюсь обратно на дно, ударяясь разными частями тела все сильнее и сильнее. Иногда меня охватывает страшное отчаяние и желание сдаться, но там, в соседней комнате, лежит единственный человек в мире, который меня любил. Благодаря ей я знаю, что это чувство существует, и, заботясь о бабуле сейчас, я не только возвращаю ей те любовь и заботу, что успела получить в детстве, но и будто черпаю из этого силы, чтобы снова попытаться вскарабкаться повыше, подальше этого кошмара.

Отец буквально вталкивает мне в руки пустую кружку. Несу ее на кухню и скрываюсь в комнате. Бабушка уже скоро проснется, до этого момента мне необходимо закончить с заданиями для учебы и собрать рюкзак.

Слышу тяжелые шаги. Слив бачка в туалете. Хлопок дверцей холодильника.

— Верка! — снова орет отец. От собственного имени уже мурашки по коже.

Иду, чтобы узнать, что на этот раз ему нужно. Он снова открывает холодильник, смотрит внутрь. Свет оттуда делает его лицо еще более жестоким. Я невольно пячусь, пока не понимая, в чем уже успела оказаться виноватой.

Цепкие пальцы резко хватают меня за шею, сжимаются.

— Ай, — тихо вскрикиваю.

Отец швыряет меня лицом в холодильник. Я ударяюсь о верхнее перекрытие между камерами, а он снова сжимает мою шею и давит, пока не попадает моей головой туда, куда нужно.

— Пусти, — прошу я.

— Что ты там видишь? — хрипит он.

— Ничего, — шмыгаю носом, но не плачу.

— А я жрать хочу, — заявляет отец.

— Вы все вчера съели. Ничего не осталось, — напоминаю ему. — Ай-яй, — хнычу, когда его пальцы едва ли не продавливают кожу до мяса и костей. Это больно, и точно останутся синяки. Придется надевать водолазку сегодня.

— А где ты была?

— Спала. Ночь же.

— Нехрен спать, пока жрать не приготовишь. Я запрещаю, ясно?

— Продуктов все равно нет. — Мой голос звучит так несчастно, что, наверное, он радуется, что снова меня победил.

— Так купи! — Толкает меня вперед и, наконец, отпускает.

Когда кухня пустеет, закрываю холодильник, сползаю по его гладкой дверце на пол, подтягиваю к себе колени и закрываю лицо ладонями. Они дрожат. Ненавижу это. И его ненавижу. Сколько раз за последнее время я себе представляла, что возьму половник или сковородку, да как отхожу его по голове и другим частям тела, чтобы не трогал больше никогда! Но он же убьет потом и меня, и бабушку. Я буду в этом виновата.

Отдышавшись, возвращаюсь в комнату. Бабуля проснулась. Натягиваю улыбку, умываю ее теплой водой, меняю памперс, даю лекарства и кормлю ее через трубочку специальной едой. Хотя на это отец не претендует.

— Я с учебы вернусь, сварю суп, — обещаю ей. — Сделаю из него суп-пюре для тебя и покормлю горяченьким. Хорошо? — Она мычит в ответ, а я ей улыбаюсь, чтобы не волновалась. — Думаю, мне нужна еще работа. Может быть, мы комнату где-то снимем. Пусть на краю города, маленькую, но нашу.

Только стоимость даже такой комнаты мне сейчас не потянуть. И одна я могла бы справиться, а так очень много уходит на лекарства, уходовые средства, еще коммуналка, продукты. Отец же ничего не дает. Он бабушкину пенсию полностью забирает, а от меня все требует и требует.

— Ничего, бабуль, мы справимся, — глажу ее по седым волосам. — Только ты выздоравливай, пожалуйста.

Из уголка ее глаза стекает слеза. Вытираю и настаиваю, чтобы не плакала. Она все понимает, только говорить не может.

— Мне пора, — чмокаю ее в лоб и собираюсь на учебу.

До обеда у меня лекции в училище, потом надо в магазин зайти, вернуться домой. Готовка, уборка, бабушка. И вечером на вторую работу, где я пробуду до последнего клиента. Если повезет, бар опустеет пораньше.

Весь день поправляю водолазку. То воротник выше натягиваю, то рукава тяну до самых пальцев. Мне все время кажется, что сейчас кто-то увидит уродливые синяки на моем теле. Тот, что на лбу после удара о холодильник, я тональным кремом замазала. Вроде ничего.

Кручусь как белка в колесе, стараясь больше не нарываться на родительский гнев. Даже чекушку водки отцу покупаю, пока хожу по магазинам. Пусть подавится. А вечером надеваю удобные синие джинсы и все ту же черную водолазку. В рюкзак складываю фирменный джинсовый фартук, выстиранный и выглаженный после последней смены. Проверяю, ничего ли не забыла.

— Бабуль, отдыхай. Я поеду, — предупреждаю ее. — Отца нет. Наверное, объявится и ляжет спать. Я поздно вернусь, ты за меня не волнуйся.

За сорок минут добираюсь до небольшого бара, расположенного в одном из тихих районов. Сюда приходят в основном местные мужчины, чтобы пропустить кружку пива после работы, или шумные компании молодых парней. Охранник лениво листает ленту в телефоне, сидя на табулетке за столиком у двери.

Я иду за барную стойку. Сменщица сдает «пост», зеваю и приступаю к работе. Пиво, закуски, соки, чай, снова пиво. Такая вот ирония: дома пьющий отец, а я тут мужчинам кружки наполняю. Но с отсутствием опыта в восемнадцать лет, когда у тебя еще и куча проблем в семье, найти подходящую работу совсем непросто. А тут платят, и иногда можно договориться и подмениться, если вдруг бабушке станет хуже. Я держусь за этот бар как за спасательный круг.

Дверь в очередной раз открывается и закрывается с тихим хлопком. Отдаю клиенту две кружки пива, тарелку с теплыми чесночными сухариками и не обращаю внимания, кто там вошел.

Вытираю пену со стойки.

— А кофе у вас есть? — спрашивает посетитель.

Поднимаю взгляд и сразу узнаю его — того злого, агрессивного парня из Дворца спорта. Он удивленно смотрит на меня. Неужели тоже узнал? А я понимаю, что внутри опять все сжалось будто в ожидании удара. Я еще помню, как он смотрел на меня там, в коридоре, будто это я опрокинула ведро и намеренно заляпала водой его штаны.

— Привет, — тихо здоровается он.

Глава 5

Виктор

Несколькими часами ранее

Я понимаю, что не могу промахнуться с человеком, от которого будет зависеть очень многое в моей спортивной карьере. Имя Вайса в наших кругах не знал только глухой. Хваткий, профессиональный спец. Он выбирал для работы исключительно тех бойцов, в которых видел реальные перспективы. Ему нужны были победители, и когда он захотел работать со мной, я даже не рассматривал вариант с отказом.

У нас был год. Крутой, мощный, яркий. Это был отличный старт для молодого профессионала. Вайс также всегда был готов прикрыть мою задницу, если мы с друзьями попадали в передраги. И что самое важное, он не зависел от моего отца. Все решения, все бои были только наши. Адреналин, свобода выбора, перспективы, деньги. Я действительно считал, что у меня было все и, наверное, даже больше, чем у многих парней в восемнадцать лет. Где мне здесь найти второго Вайса? У тех людей, про которых я прочитал, профессиональная биография не хуже, но я ничего не знаю об этом, у меня нет знакомых, которые могут дать личные гарантии, и нет времени. Последнее давит на нервы особенно сильно.

Еще мать напоминает про извинения перед Беляевыми. Потом сделаю. Сейчас я снова еду во Дворец спорта. Да, мне не все нравится. С этим тренером будет сложно, но выбор я уже сделал и не собираюсь отступать. Вопросы с боями решим. Пока не знаю как, но решим.

Я звонил Терехову утром, он даже не удивился. Сказал, что их медик будет ждать меня в четыре.

Добираюсь за пятнадцать минут до назначенного времени. Спрашиваю у охранника, где найти врача клуба, и отправляюсь на поиски его кабинета. Прохожу по тому самому коридору, перед глазами снова испуганный взгляд девчонки. Становится не по себе. Я не могу вспомнить, чтобы сталкивался с таким страхом. Это было не просто чувство, это была физическая реакция, а уж про рефлексy я знаю все.

— Виктор Край? — спрашивает подошедший мужчина.

— Да.

Он вставляет ключ в замочную скважину.

— Мурад Артурович, — представляется, открыв дверь. Жестом приглашает войти и указывает на кушетку.

Наблюдаю за ним. Взрослый, лет пятьдесят, может, чуть больше. Темные волосы на висках едва тронула седина. Мудрый, внимательный взгляд не вызывает желания шутить. Отдаю ему папку с документами и тихо жду, пока он их изучает.

— Последние анализы в норме, — бормочет он, скорее, для себя, чем для меня. — ВИЧ, гепатиты... — кивает. — ЭКГ в порядке. — Переворачивает пару страниц. — МРТ делал полгода назад, заключение хорошее. По регламенту МРТ действует год, так что формально ты чист. — Поднимает на меня взгляд. — Но в выписке есть запись о приличном сотрясении два года назад. Потеря сознания была?

— М-м-м, нет, — качаю головой, вспоминая тот бой. — Дезориентация на несколько секунд.

Он делает пометку и просит:

— Встань, пожалуйста.

Дальше все происходит довольно быстро: несколько тестов на координацию, давление, пульс, кислород, реакция зрачков, проверка подвижности суставов и холодный стетоскоп, прикоснувшийся к груди, чтобы услышать, что там с моими легкими.

— У меня претензий нет, как и сомнений в компетентности зарубежных коллег, но кое-что я бы перепроверил. Для нашего с тобой спокойствия и дабы снять вопросы у Федерации. А они любят их задавать, так что мы перестрахуемся. Сделаешь повторное МРТ, пересдашь некоторые анализы, я все подготовлю. Сердце также посмотрим, лишним не будет.

— Сколько это займет времени?

Мурад Артурович понимающе улыбается. Берет телефон и совершает звонок, а я думаю, что если сейчас меня и здесь развернут в сторону дома, то это будет финиш.

— Юра, — вдруг слышу я, — бойца можешь нагружать. Я ему, конечно, пару обследований назначил для нас, но по моей части все в порядке. Причин для ограничений или отстранения нет. Подтверждаю. Здоров, готов к работе. — Сбрасывает звонок и обращается ко мне: — Завтра в 8:30 жду тебя здесь же. Поедем в нашу клинику для спортсменов, там все пройдешь. Выдыхай, — смеется он. — Напрягся.

— Спасибо, — улыбаюсь как дурак. Хотя что-то хорошее произошло. Наконец-то.

— Дуй в тренажерку, — отсылает меня врач. — Знаешь, где это?

— Да, спасибо, — еще раз благодарю Мурада Артуровича, а он все равно объясняет, как найти тренажерный зал.

Покидаю его кабинет, переодеваюсь и иду в указанном направлении.

Парни уже вовсю работают. Между тренажерами ходит мужчина, очевидно, тренер по физической подготовке. Корректирует, дает указания.

— Я так понимаю, ты принял мои условия? — Рядом оказывается Терехов. Не видел, как он вошел сюда.

— Я готов тренироваться, — чуть-чуть меняю формулировку, чтобы мой ответ был максимально честным.

— С промоутером что?

— Пока без изменений.

Он кивает и зовет меня за собой.

— Виктор Край. Баварский профессиональный боец. Принимайте, — представляет меня всем. — Но после тренировки. Сейчас работать.

Тренер по физической подготовке осматривает меня с ног до головы.

— Сергей, можно без отчества. Разминайся, — командует он.

На меня направлены заинтересованные взгляды парней, но никто не прерывает тренировку, чтобы удовлетворить любопытство.

Разогревшись, получаю команду от тренера для полноценной работы.

Начинаю со скалки, три раунда по три минуты, и Сергей специально не дает сбавить скорость. Потом круговая: штанга, присед, жим ногами, снова штанга. Вес не предельный, но работаем без длинных пауз, и к концу второго круга ноги уже горят. Добавляют медбол — броски в стену с разворотом корпуса, чтобы включить спину и пресс. Удар в боксе начинается не с руки, а с ног, и сейчас их проверяют на прочность. Завершаем планкой и рывками на канатах. Плечи забиваются, дыхание сбивается, но я не даю себе остановиться. Если хотят посмотреть, выдержу ли, пусть смотрят. Я выдержу.

— Нормально. Валите в душ. — Тренер с усмешкой отпускает нас.

Потной толпой вываливаемся в коридор и сворачиваем к раздевалке.

— Тайсон. — Парень со смоляными волосами протягивает мне руку.

— Вик, — пожимаю его ладонь.

— Касьян, но можно просто Кос, — представляется еще один.

— Сэм.

— Макс. — Еще одна крепкая ладонь оказывается пожата.

Я киваю, стараясь запомнить и остальные имена, но понимаю, что шансов нет.

— Не парься. Разберешься. — Тайсон хлопает меня по плечу. — Какими судьбами к нам?

— Это лучший клуб из тех, что я нашел.

— В этом нет никаких сомнений, — широко и с гордостью улыбается он. — Я имею в виду в Россию.

— Семейные обстоятельства.

— Понимаю. Терехов вот такой мужик. — Тай показывает мне большой палец вверх. — Как батя. И по башке дать может, и по ней же потом погладить, но всегда справедливо.

— Ты давно в этом клубе? — Ответ очевиден, но мне все равно интересно.

— Считай, с детства. Мой отец входил в число тех, кто спонсировал постройку этого Дворца.

— Оу, — выдыхаю я. — Типа свои?

— Не, я не хвастаюсь, — тут же поясняет Тайсон. — Он... Сложно все, — уворачивается от прямой формулировки, как от удара. — Просто объясняю, что это место мне дорого, я здесь вырос.

— Круто. У меня теперь такой роскоши нет, — говорю гораздо тише.

— Освоишься, нормально все будет. У нас всякое бывает, но команда в целом нормальная. Без причины никто никого не трогает.

— Ты был на нашем ринге? — спрашивает тот, кто представился как Кос. Не уверен, что его полное имя мне знакомо и понятно, я не слышал о таком.

— Нет. Только европейский. Из-за статуса отца с перемещением по миру не все так просто.

— Понятно. То есть ты, выходит, вообще ничего не знаешь о России? — делает выводы он.

— То, что написано в учебниках истории, в новостях и немного от семьи, но, наверное, нет, я ничего не знаю. Родители не планировали возвращаться. Меня с детства интегрировали в общество, которое меня окружало.

— Но ты хорошо говоришь по-русски, — замечает Макс.

— Учил. И дома говорили на русском.

— Уже проще. Думаю, у нас нарисовались интересные планы на ближайшие выходные. — Сэм улыбается, как лис, который готов к хулиганству, и я догадываюсь, что этот парень любит приключения.

— Какое? — спрашиваю у него.

— Обмен культурным опытом, — смеется Сэм. — Будем теперь интегрировать тебя в новое общество, а ты нам про жизнь в Европе расскажешь.

— Мне тоже нравится эта идея, и я бы поспарринговался с тобой, — предлагает Тайсон. — Интересно поработать с немецкой техникой. Видел, но вживую не сталкивался.

— Окей, — соглашаюсь.

После душа у нас небольшой перерыв, а после мы собираемся уже в другом зале, где с нами работает сам Терехов и его помощник.

— Послезавтра ко мне придут двое бойцов, — сообщает мне главный тренер. — Мы обсудим некоторые дела, а потом я хочу посмотреть на тебя в работе с ними.

— Во сколько? — сразу оживаю. Этот день нравится мне все больше.

— Я позвоню, когда у меня появится точная информация, — обещает Терехов.

— А можно прийти посмотреть? — услышав наш разговор с тренером, спрашивает Сэм.

— Нельзя, — категорически отрезает он. — Но можно прийти завтра и помочь Матвеем в социальной группе с подростками.

— Понял, — вздыхает парень.

— Это касается не только Семена, — как-то слишком довольнo произносит тренер. — Кос, Макс, вас тоже.

— А Тай? — спрашивает последний.

— А у Тая уважительная причина, — улыбается Терехов.

— Эт какая?

— Семья, Максим. Семья.

— Так себе реклама, Юрий Германович, — смеется Семен. — Я даже ради таких привилегий не подпишусь. Лучше с подростками потренируюсь.

— Все вы так говорите. Этот вот, — Терехов указывает на Тайсона, — громче всех орал. Все, идите. У меня дел и без вас полно.

С отличным настроением покидаем зал, а через некоторое время и Дворец. Пожимаем руки на крыльце перед входом. Я думаю о том, что хочу сохранить эти эмоции, и поэтому домой торопиться нет никакого желания. В Европе я бы пошел куда-нибудь с друзьями, а как провести вечер здесь?

— Тай, — догоняю бойца.

Он оглядывается и вопросительно смотрит на меня.

— Есть здесь поблизости какое-нибудь заведение, где тихо и можно кофе выпить?

— Слушай, вокруг Дворца точно нет, тутлюдно везде, но пару лет назад минутах в тридцати езды отсюда, в спальнике... — Видит, что я не совсем его понимаю. — В спальном районе, — поясняет, — был бар. Мы его случайно нашли, гоняли иногда с парнями, чтобы нас Терехов не увидел и никто знакомый ему не сдал наши маленькие нарушения режима. Так вот, там было довольно спокойно, даже уютно в какой-то степени. Кофе вроде тоже был, но не уверен. Могу посмотреть адрес.

— Посмотри, — прошу его.

И, покопавшись в мобильном, он находит для меня адрес того самого бара. Благодарю. Иду к своей машине и вбиваю координаты в навигатор. BMW мягко трогается с места. Не особенно вглядываясь в происходящее за ее бортом, добираюсь до заведения. Место и правда довольно тихое в сравнении с остальным городом. Но я бы скорее посчитал его опасным, чем наоборот, потому что именно такие места, особенно по ночам, привлекают грабителей и других представителей преступного мира.

Захожу внутрь и резко останавливаюсь, за доли секунды узнав *ее* в профиле девушки за барной стойкой.

«Это шутка какая-то? — хочется поинтересоваться у Вселенной. — Или шанс извиниться?»

— А кофе у вас есть? — спрашиваю вслух.

Она чуть поворачивает голову, поймав меня в фокус своих медовых глаз. В груди что-то сжимается. Не знаю. И я не понимаю, что вижу сейчас. Снова страх? Почему? Я ведь ничего не сделал.

Уходить в этот раз не собираюсь. Я не убегаяю от проблем и уверенно шагаю к стойке.

— Привет, — тихо здороваюсь с ней.

Глава 6

Виктор

— Добрый вечер. — Ее нейтральный ответ так сильно отличается от того, что читаю во взгляде, что на секунду мне становится не по себе. Странное ощущение, будто я грудью ударился о слишком прозрачную стену, чтобы ее разглядеть.

Моргнув от неожиданности, сажусь на высокий стул боком к стойке и разворачиваю корпус к девушке. Терять зрительный контакт с ней не хочется.

— Извини за ведро, это было не специально, — говорю ей.

Удивляется. Ее брови оживают, слегка приподнимаясь, а глаза будто становятся больше. Мне кажется, она сама не замечает, как это происходит. Или как она поправляет салфетки, торчащие из деревянной салфетницы с логотипом пивной компании, известной во всем мире.

— Ничего, — робко отвечает, не зная, куда ей деться от моего взгляда, а я улыбаюсь, добавляя румянца на ее щеки.

Какая же она забавная и чертовски милая в своей естественности.

— Кофе есть? — напоминаю о том, зачем пришел.

— Ой, да. Конечно. Сейчас. — Получив заказ, она попадает в более привычную для себя среду и ловко справляется с кофемашиной. — Пожалуйста, — ставит передо мной чашку капучино.

Я понимаю, что не сказал, какой кофе мне нужен, а она не спросила и тоже это понимает. Ее щеки становятся еще ярче, а взгляд мечется в панике.

Ну что же ты меня так боишься?

Это начинает злить. Я не собираюсь обижать ее, не собираюсь грубить или ругаться. Я даже рад, что мы нашли и у меня появилась возможность извиниться быстрее, словно в этом мире есть что-то, что оказалось на моей стороне и подтолкнуло к происходящему.

— Все хорошо. Я хотел именно этот кофе, — успокаиваю ее и вижу, как сначала не верит, но затем все же расслабляет плечи. Только многострадальным салфеткам достается еще некоторое время, пока они смятым комком не отправляются в мусорное ведро.

Медленно пью свой капучино под косыми взглядами местных «брутальных» мужиков с пивом. Мне абсолютно наплевать, что они обо мне думают. И вот, как раз один из них опустошил кружку и направляется к бару. Чем ближе он подходит, тем сильнее моя энергетика подавляет его, и усмешка пьяно стекает с небритого лица. Так-то лучше.

Уходить отсюда хочется все меньше. Хрупкая девочка со страхом на дне красивых глаз не должна оставаться в таком месте одна.

Я заказываю себе еще кофе и специально прошу капучино, чтобы подтвердить свои же слова и ей стало немного спокойнее. Но маленькая Лисичка все равно чувствует неловкость, и я вынимаю из кошелька наличку, не зная, сколько у них стоит кофе. Просто кладу на стойку одну из крупных купюр и добавляю:

— Я правда не хотел тебя напугать тогда, — накрыв ладонью деньги, толкаю их к ней по стойке.

— Я не злюсь. Сейчас дам сдачу, — открывает кассу, но налички там крайне мало.

— Не надо. Там, где я вырос, принято оставлять чаевые за хорошее обслуживание, — подмигиваю ей.

— Но...

Она не успевает ничего ответить. Ее отвлекает очередной посетитель, а я снова называю ее Лисичкой в своих мыслях, глянув, как она убирает деньги и наливает пиво в кружку. Выхожу на улицу. Делаю глубокий вдох свежего холодного воздуха и сажусь в машину.

Уезжать не спешу. Смотрю на время, на закрытую дверь заведения, на мерцающую вывеску и теплый свет из окон. Ни одного прохожего, только подвыпившие мужики постепенно расходятся по своим делам. У меня снова появляется много вопросов. Например, как она будет добираться до дома?

Вероятно, Лисичка живет где-то поблизости, это было бы логично, ведь в такое время общественный транспорт не ходит, а такси может быть очень небезопасным способом передвижения. Тем более для девушки. Дома так и было. Ни один нормальный парень не отправит свою девушку вечером на такси.

Не знаю, вдруг здесь иначе, но проверять это не кажется хорошей идеей.

Сижу дальше, жду, когда она выйдет. Наконец в баре гаснет свет, а над входной дверью загорается дежурная лампочка. Лисичка выходит на улицу в сопровождении охранника. Мужчина запирает дверь, а она прощается с ним и уходит вдоль кирпичной стены, все больше прячась в темноте ночи.

Веду головой в сторону до хруста в шее, выхожу из машины и догоняю Лисичку. Она резко разворачивается на шум моих шагов.

— Тише, тише, пугливый Лисенок, — выставляю перед собой ладони и стараюсь говорить мягко. — Это всего лишь я. Давай подвезу.

Она смотрит на меня несколько секунд как на придурка, потом качает головой:

— Не нужно.

— Как ты доберешься до дома? — хмурюсь, понимая, что для нее я тоже посторонний, и на самом деле правильно, что она не торопится сесть в мою машину. С другой стороны, я ведь знаю себя и свои намерения.

— Как всегда. Пешком, — забавно приподнимает одну ногу и трясет носком, дополняя свои слова действием. Отворачивается и шагает дальше.

Я не собираюсь отступать и иду следом. Она то и дело оглядывается. Трет шею, и, чтобы ей было удобнее, я чуть ускоряюсь, пока не оказываюсь рядом.

— Зачем ты за мной идешь? — не выдерживает Лисичка.

— Потому что не могу отпустить тебя одну.

— Ты странный, — сообщает, сворачивая за угол, на более освещенный тротуар.

Тут тени деревьев лежат на асфальте, светят фонари, вывески магазинов, и я понимаю, что ошибся, девочка живет явно не в этом районе.

— Как тебя зовут? — решаю, что было бы неплохо познакомиться, раз наш путь будет долгим.

Она вновь странно на меня косится, поправляет рюкзак. Я решаю забрать, но она не дает и прижимает его к себе. Улыбнувшись, снова выставляю руки перед собой, пытаюсь жестом показать, что ничего плохого ей не сделаю.

— Вера, — представляется Лисичка.

— Красиво. Виктор, — называю свое имя в ответ. — Давай вернемся к машине, и я все же тебя подброшу, — делаю еще одну попытку, ведь она очевидно устала, но Вера отрицательно крутит головой и шагает быстрее. — Я не кусаюсь, правда.

— Это хорошо. — Она улыбается. Быстро, коротко, будто случайно.

Мне очень нравится, что, несмотря на все странности, в ней так много тепла. Его можно ощутить физически, даже не подходя слишком близко.

— Ты ужасно упрямый. — Она становится чуть увереннее.

— В спорте без этого никуда.

— Ты давно занимаешься спортом? — смелее задает вопрос.

Мое сердце в этот момент начинает стучать немного быстрее. Я чувствую что-то приятное от того, что она заговорила со мной.

— Почти всю свою жизнь, — делюсь с Лисичкой.

— Наверное, это здорово, иметь что-то, что так тебя увлекает. — В ее голосе теперь нет страха, только тоска, смешанная со вздохом.

— А что увлекает тебя? — Мне становится интересно, чем может заниматься такая девушка.

Вера долго молчит. Пауза между нами становится затяжной. Мы как будто даже идем медленнее. Она спотыкается на ровном месте, я машинально ловлю ее за локоть, но тут же убираю руку, убедившись, что она не упадет. Взгляд медовых глаз наполняется новой волной удивления, направленной на меня.

— Не знаю, — вдруг тихо отвечает она.

— Так бывает? — озадаченно перевариваю услышанное.

— Мне нужно идти. — Вера ускоряется, проигнорировав мой вопрос.

Мы молча идем вперед, иногда сворачивая или переходя проезжую часть строго в положенных местах. Это вызывает у меня улыбку. Она поступает правильно, даже не замечая этого.

И вот на углу одного из домов мы резко останавливаемся. Она поднимает голову, задумчиво смотрит на меня.

— Дальше я сама, — наконец произносит.

— Нет.

— Да, — осмеливается поспорить. Я приподнимаю бровь, а она фыркает и практически убегает.

— Стой, маленькая, шустрая Лисичка, — очнувшись, догоняю ее. — Я доведу до подъезда.

Мы как раз доходим до него, насколько я понимаю из очередной остановки. Вера заправляет за ухо каштановые волосы и складывает руки на груди. В этом жесте проявляется ее характер.

— Почему Лисичка? — сводит брови к переносице.

— Я не знаю, — признаюсь ей, совсем немного солгав, потому что, если скажу, что она пугливая, дикая, но при этом очаровательная, это может ее обидеть. Мне почему-то так кажется. — В следующий раз расскажу, — делаю другой ход.

— А будет следующий раз? — Вера скорее настораживается, чем радуется данной идее.

— Помнишь, я ведь теперь тренируюсь во Дворце спорта, а ты там работаешь, — выкручиваюсь, находя самое простое и понятное объяснение.

— Точно. — Она хлопает себя ладошкой по лбу. — Тогда до встречи? — почему-то спрашивает.

— Конечно, — киваю ей.

Смотрю, как идет к дверям подъезда, как скрывается за ними, жду еще немного и только после ухожу. Сердце все еще стучит как заведенное. Мне чертовски понравился этот вечер. Он оставил после себя приятное послевкусие и много разных мыслей, в которых мне еще предстоит разобраться. А пока мой мотор работает на всю, перехожу на бег в сторону бара, где оставил машину. Длинная дистанция не проблема, это даже полезно.

Тяжело дыша, мокрый от пота, буквально вваливаюсь в салон. Ложусь лбом на руль, слушая, как стучит в висках, и тихо, хрипло смеюсь, игнорируя жужжащий в кармане телефон.

Глава 7

Виктор

Дома тихо. Прохожу на кухню, наливаю воды в стакан и, оперевшись одной ладонью на столешницу, подвисяю в мыслях. От Лисенка они плавно возвращаются к главной проблеме и предстоящим спаррингам, а перспектива выйти на реальный ринг этой весной тает с каждой минутой. На мгновение я даже думаю, а не согласиться ли с вариантом отца, чтобы ускорить этот процесс? Но нет, это моя принципиальная позиция. Разберусь.

— Вернулся? — Мягкий голос мамы возвращает в пределы квартиры. — Где был?

— Гулял, — залпом допиваю воду и разворачиваюсь от тумбы. — Ты звонила. Что-то случилось?

— Хотела узнать, где пропадает мой сын. — Она смахивает несуществующие пылинки с моей одежды. — Я разговаривала с Ольгой, мамой Леры.

— Я еще помню, кто это, — тут же огрызаюсь.

— Не рычи, — успокаивает мать. — Лера очень расстроена твоими словами за ужином. Это было некрасиво. Помиришь с ней, пожалуйста, Вик. Ты знаешь, как это важно для нашей семьи. И для тебя тоже. Я понимаю, что ты переживаешь. Все эти перемены так не вовремя. — Она встает рядом и прикладывается виском к моему плечу. — Я тоже много лет строила там бизнес, а здесь лишь его малая часть, и потребуется много работать, чтобы снова вырасти, закрепиться. Хорошие, крепкие, надежные партнеры будут совсем не лишними, да и девочка тебе досталась хорошая. Просто нужно подпустить ее поближе.

— Куда уж ближе, — хмыкаю и затыкаюсь.

— Ты понимаешь, о чем я. — Мама тихо смеется. — Ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать свою часть ответственности в нашей семье. Только вместе мы добьемся успеха.

— Это звучит как политическая агитация отца, — улыбаюсь, приобнимая ее.

— Наверное. — Мама снова смеется. — И с отцом реши уже свои спортивные вопросы. Он тебе тоже ничего плохого не желает. Его человек проверенный, у тебя не будет с ним проблем. Ну, будут иногда твои фотографии в статьях выходить, что в этом ужасного? И раньше так было.

— Раньше Вайс находил для меня коммерческие бои и выводил на турниры, которые были интересны мне. Он помогал мне в первый год в профспорте. Нам обоим было выгодно, чтобы я рос и развивался в этом направлении. Отец не мог влиять на него, несмотря на должность и статус, поэтому бесился. Но он пытался это делать, мам. Громкие любительские чемпионаты приносили ему больше пользы, больше информационного шума. Я хочу другого. Мне нужна независимость от него. Понимаешь?

— Понимаю. Он не будет вмешиваться.

— Да брось. Сейчас ему еще важнее удерживать контроль. Все, что я делаю, должно работать на его статус здесь. Я в этом дерьме... извини, — вздыхаю, чтобы вновь не взорваться. — Я в этом утону, из спортсмена превращусь в марионетку.

— Иногда мы вынуждены делать то, что нам не нравится, Вик. Так устроена жизнь. — Мама отходит от меня, поднимает взгляд, заправляет за уши свои распущенные волосы. — Попробуй тоже быть немного политиком. Договорись с ним. — В ее мягком тоне отлично читается уверенное требование. — На завтрашний вечер я забронировала столик в одном очень хорошем ресторане практически в самом центре города. Престижное место. Сходи туда с Лерой. В семь. — Она целует меня в щеку, не обращая внимания, как я скриплю зубами.

Мне иногда кажется, что в политику надо было идти ей. Потерев глаза, споласкиваю стакан, оставляю его на сушилке и поднимаюсь к себе.

Надо поспать, чтобы организм восстановился, но как бы я ни пытался, лишь смял простыню, ворочаясь с одного бока на другой. Подложив ладони под голову, теперь пялюсь в потолок, пока под утро все же не засыпаю буквально на пару часов.

Глаза открываются за несколько минут до сигнала будильника. Умываюсь, разминаюсь и ухожу на пробежку, а после еще довольно долго занимаюсь на открытой спортивной площадке. Не хочу пересекаться с отцом, мне разговора с матерью вчера хватило. Появилось ощущение, будто меня продают.

Злость находит выход в отжиманиях и подтягиваниях на высоких брусьях.

Интересно, Лисенок сегодня будет работать во Дворце? Я затупил вчера, не уточнил. Увидеть ее снова было бы очень приятно. У меня и повод есть, чтобы там появиться. Даже два. Первое — мне пора принять душ и выдвигаться на встречу с Мурадом Артуровичем, а второе — тренер вчера говорил про социальную группу, я мог бы помочь. Мне нравятся такие проекты. Дома мы с парнями принимали участие в различных благотворительных акциях. Были и благотворительные бои, на которых собирали деньги в помощь детям или малоимущим семьям. Потом на них закупали игрушки, продукты, одежду и развозили по бедным районам. Было круто. Если здесь я так же смогу быть полезен, то хочу это делать.

Улицы все больше оживают. Со мной здороваются кто-то из соседей, когда мы встречаемся в лифте. Киваю в ответ, поднимаясь на свой этаж. Дома уже никого. В моей комнате на кровати черные джинсы, белая футболка, пиджак и записка от матери:

«Будь умницей. Не забудь цветы и какой-нибудь маленький подарок».

Закатив глаза, комкаю лист бумаги и ловко попадаю им в корзину для мусора.

— Stark!¹ — Довольно улыбаюсь отличному броску, беру чистое полотенце из шкафа и быстро принимаю душ.

Глянув на часы, одеваюсь. Набираю тренера, так как других контактов у меня нет, а мне нужно уточнить, во сколько собирается группа.

— Доброе утро, Юрий Германович, — приветствую его.

— Надеюсь, — посмеивается он.

Сначала подвисяю, но затем до меня доходит смысл его ответа, и я широко улыбаюсь.

— Ничего не случилось, я хотел уточнить кое-что. Могу ли приехать сегодня, чтобы поработать с подростками?

— Хм. — Он хмыкает так, будто не ожидал от меня подобного порыва. — Выдержки хватит?

— Дети же, — пожимаю плечами.

— Это не просто дети, Вить. Это трудные дети, язвительные, дикие, наглые, но хотят чего-то добиться в жизни, поэтому мы с ними работаем.

— Не вижу проблемы. — Еще раз сверяюсь с часами, чтобы быть уверенным, что не опоздаю на встречу с врачом.

— Тогда приезжай.

— Спасибо. Юрий Германович, а насчет спаррингов есть уже точная информация?

— Будет к обеду. Мы с тобой все равно во Дворце пересечемся, заодно обсудим.

— Понял. До встречи, — отбиваюсь.

Быстро собираю в рюкзак все для предстоящей тренировки, не планируя возвращаться домой после клиники. Спускаюсь на парковку, забираю машину и еду к врачу.

Что меня удивляет? Это, наверное, скорость прохождения всех процедур, необходимых для дообследования. Я думал застрять в больничных коридорах как раз до обеда в лучшем случае, но мы справились за полтора часа, и это с учетом того, что док пару раз останавливался, чтобы поговорить со знакомыми.

¹ Stark! (немецкий молодежный сленг) — Круто/класс/отлично получилось.

— Все, ты можешь ехать, Виктор, — отпускает меня Мурад Артурович. — У меня тут еще есть дела.

И я уже собираюсь уйти, но в последний момент разворачиваюсь и спрашиваю:

— Во Дворце девушка работает. Маленькая такая, — показываю примерный рост, — кудрявая. С каштановыми волосами. — С каждым словом в груди разливается приятное тепло. — Вера. Вы знаете ее?

Мурад Артурович вроде хмурится, а его почти черные глаза смеются.

— Зачем она тебе? — задает встречный вопрос.

Я теряюсь, не зная, что ему сказать. Что увидеть ее хочу? Не слишком ли это личное для постороннего человека? Особенно когда вечером у меня свидание с невестой.

Глава 8

Вера

Сегодня мне дали участок для уборки побольше. Сезон дурацкий, после зимы все болеют, а я держусь и не отказываюсь от дополнительной работы, понимая, что к вечеру опять буду никакая, а на отдых времени нет.

Швабра плавно двигается по полу от стены к стене коридора, ведущего к залам боксеров. Губ едва касается такая непривычная улыбка. Приятно было несколько минут поговорить с человеком, который не орет и ничего не требует. Нет, я не забыла его вспышку злости, но он дал мне возможность почувствовать себя нормальной. Я уже и забыла, как это может быть.

Переставляю ведро и снова шаркаю тряпкой по полу, слушая хлопки ударов, мужские голоса, громкий смех. У них открыты двери, и чем я ближе, тем отчетливее звуки.

— Хватит толкаться. Вам места в зале мало? — строго произносит кто-то из парней. — Разошлись на три метра друг от друга. Продолжаем работу.

А буквально через минуту до меня доносится шум потасовки. Я мою участок пола медленнее, чтобы не нарваться на неприятности.

В распахнутые двери вылетает разгоряченный подросток и пинает стену напротив с такой злостью, словно она виновата в его бедах. Следом за ним выходит Виктор. Это для меня становится полной неожиданностью, потому что, насколько я знаю, в это время тут занимается социальная группа и его вроде как быть не должно.

Он бросает на меня быстрый взгляд, берет парня за плечи, слегка встряхивает и твердо произносит:

— Успокойся.

Я споласкиваю тряпку и немного отхожу в сторону, чтобы не мешать им, но разговор неизбежно слышу.

— Ты слышал, что он сказал? — злится мальчишка.

— Слышал. Это была провокация, и ты на нее повелся. Кто в итоге проиграл? — спрашивает у него Виктор.

Парень сопит, взгляд как у дикого волчонка, волосы взъерошены. Удивительно, что его не ругают за произошедшее, что бы там ни случилось.

— Не нравится, понимаю, — продолжает Вик, не получив ответа. — Но всегда можно исправить ситуацию. Знаешь, чему меня учил мой тренер?

— Какое мне дело? Ты чемпион, — недовольно ворчит подросток.

— Я же не всегда им был. У меня тоже характер паршивый, — смеется, глянув почему-то на меня.

Прячу взгляд и стараюсь уйти еще дальше от них. Как-то нехорошо и неловко получается, будто я подслушиваю, но меня не гонят и спокойно продолжают разговор.

— Все начинается с контроля и дисциплины, — рассказывает Виктор. — Если соперник смог вывести тебя из равновесия, ты уже проиграл, еще до выхода на ринг или вступления в любой другой бой.

— Научишь меня? — тихо спрашивает парень.

— Пойдем, попробуем. — Вик сжимает плечо подростка и уводит его обратно в зал.

Выдохнув, быстро подхватываю ведро и прохожу мимо открытых дверей, чтобы закончить с этим участком. Вновь слышу звуки ударов, голоса и думаю об их разговоре. В моей реальности такие советы не работают. Отец будет зол в любом случае, буду я защищаться или не буду. Его выведет из себя любой вариант, и он найдет причину поднять на меня руку. У меня свои методы, я стараюсь не сдаться, даже когда сил не остается, когда хочется забиться в угол, скулить, и чтобы кто-то обнял, погладил по голове. Не могу, не имею права. Вытираю

слезы, поднимаюсь, иду вперед, надеясь однажды выбраться из той ямы, в которой оказалась. Бабулю с кровати поднять, чтобы легче было. Может быть все же переехать. Не знаю. Иногда действительно появляется ощущение полной безысходности.

Становится очень грустно. Я чувствую себя слишком обнаженной, уязвимой, словно любой человек может задеть, разрушить. Останавливаюсь, делаю глубокий вдох, закрываю глаза и гоню от себя эти мысли.

«Я сильная. Я справлюсь», — обещаю себе.

Заправляю волосы за уши и даже улыбаюсь несмотря на то, что внутри полный раздрай. Дожидаюсь, когда полы подсохнут. Иду обратно и машинально заглядываю в зал. Там, среди других парней, Виктор с тем самым мальчишкой вместе стоят в планке. У одного заметно дрожат руки, а другой что-то спокойно ему говорит. Затем смотрит перед собой и снова замечает меня.

— Хочешь к нам? — спрашивает Виктор.

— Нет, — кручу головой и трусливо сбегаю. У меня и так лимит по глупостям на сегодня перевыполнен. Пожалуй, хватит.

Отношу инвентарь в подсобку, мою руки с мылом. Сердце колотится так, будто я стометровку на время пробежала.

— Злые они все и опасные, — напоминаю себе вслух, а затем резко оглядываюсь. Вдруг кто-то слышал мое бормотание. Еще решат, что я чокнутая, и уволят.

Смотрю на часы в стареньком смартфоне. Я еще успею перекусить в местной столовой, а потом поеду в училище, заберу у куратора конспекты, которые она мне обещала, и к бабуле.

Сняв халат, проверяю наличность и иду в столовую. Некоторые парни из боксеров уже тут. Встаю в очередь и вздрагиваю, когда за спиной раздается вопрос:

— Все в порядке?

Оглядываюсь. Сегодня мы неприлично часто пересекаемся.

— Ты меня напугал, — сообщаю Виктору.

— Извини. С этим нужно что-то делать.

— Может, больше так не встречаться? — предполагаю я.

— У меня есть идея получше. Я угощу тебя чаем, — предлагает он.

— И как это нам поможет не встречаться так внезапно? — стараюсь посмотреть ему в глаза. Они у него серые и совсем чуть-чуть отдают в голубой при игре света.

— Мы проведем еще некоторое время вместе, ты ко мне привыкнешь и перестанешь бояться.

— Зачем тебе это нужно? — не понимаю. Очередь двигается, и мне нужно делать заказ. — Здравствуйте, тетя Тань, — улыбаюсь нашей буфетчице.

— Привет. Чем тебя покормить? — Она всегда очень добрая. Похожа на тех женщин, что раньше рисовали на плакатах. С пышными формами, розовыми щеками и волосами, спрятанными под чепчик.

— Чай, пожалуйста. И вон ту булочку, — указываю на витрину, — с глазурью.

Тетя Таня выдает мне заказ, я собираюсь рассчитаться наличными, но Виктор протягивает свою карту, и со словами: «Какой у нас тут джентльмен завелся», она разворачивает к нему терминал.

— Не надо было, — качаю головой, посмотрев на Виктора.

Он подмигивает мне и делает свой заказ. Нахожу свободный столик, чувствуя, как горит лицо. Будет правильным вернуть ему деньги. Я отсчитываю нужную сумму и уже думаю, как это лучше сделать, как он садится напротив, поставив поднос рядом с моим.

— Что бы ты ни задумала, не стоит. Твои деньги я все равно не возьму. — Я собираюсь ответить, но Вик продолжает: — Но, если тебе так хочется что-то дать мне взамен, можешь немного рассказать о себе.

— Мне кажется, ты и так много обо мне знаешь, — опускаю взгляд в стакан с чаем.

— Расскажи что-то, чего я еще не знаю. Ты учишься где-то? — помогает он.

— Да. В училище на сестринское дело, — и, видя, что он не совсем понимает, о чем я, поясняю: — Я буду медсестрой.

— Ух ты. — Вик искренне удивляется. — Тебе нравится помогать людям?

Мне не хочется рассказывать ему про свою жизнь и бабушку. Еще не хватало, чтобы он начал меня жалеть. Только вот лгать я тоже не хочу. Как бы ни пыталась, увидеть в нем плохого человека не выходит. Может быть, я обманываю себя и мне просто хочется, чтобы на моем пути хотя бы изредка встречались нормальные люди. У меня много противоречивых мыслей, но обман этого парня в них не входит.

— Все не так романтично, — признаюсь ему. — Близкому человеку нужна была помощь, и у меня не осталось выбора.

— Окей, принимается. — Виктор хлопает ладонями по столу и расслабленно откидывается на спинку стула. — Если бы выбор был, куда бы ты поступила? — Он снова задает сложный вопрос, заставляя вспоминать, что когда-то я могла мечтать.

— Я бы изучала литературу или поступила на филолога, — делюсь с ним.

— А говорила, не знаешь, что тебя увлекает. — Вик удивляет своей внимательностью. Выходит, в прошлый раз он действительно меня слушал.

— Увлечения — это все же немного другое. Мне так кажется, — пожимаю плечами. — Ты ведь тоже где-то учишься? Или у тебя только спорт? — решаюсь задать ему вопросы.

Он задумчиво рассматривает меня, чему-то усмехается, жестко, холодно, напоминая мне того Виктора, который снес ведро в нашу первую встречу. И опять становится как-то не по себе.

— Заочное отделение. Факультет международных отношений. И это тоже не мой выбор, так что видишь, Лисенок, мы с тобой похожи.

Пришла моя очередь удивляться, но я стараюсь спрятать эту эмоцию глубоко внутри, не зная, как он отреагирует.

— Мне пора идти, — поднимаюсь из-за стола, так и не притронувшись к булочке.

— Снова сбегаешь от меня. — Вик неожиданно грустно вздыхает. — Оставишь свой номер телефона?

— Мне действительно нужно идти, — зачем-то оправдываюсь. — У меня встреча с куратором в училище. Зачем тебе мой номер?

— Ты всегда такая подозрительная? — Он тоже поднимается.

— Наверное, — улыбаюсь и опускаю взгляд.

— Чтобы ты больше не терялась и наши встречи не пугали тебя. И я могу подвезти тебя. — Заглядывает в мобильный, сжимает челюсть и раздраженно закатывает глаза.

— Подвозить не нужно, а номер... Хорошо, записывай.

Глава 9

Виктор

У меня такое чувство, будто я выиграл бой, получив ее номер, теперь нужно научиться не пугать ее постоянно. Маленьких Лисят нужно приручать постепенно и аккуратно. Если она привыкнет ко мне, перестанет бояться, и мы сможем общаться более комфортно для нее.

И ничто не могло бы испортить мне настроение этим вечером, если бы не еще одно сообщение от матери с напоминанием, что скоро я должен явиться на ужин с Лерой. Внутри снова вспыхивает сопротивление. Черт бы их побрал, эти обязательства перед семьей, но они есть, и никуда от них не сбежать.

Не хотел возвращаться домой сегодня. Только заявиться в статусный ресторан в том виде, в котором я сейчас, глупо и по-детски.

Еду, барабанив пальцами по рулю и глядя в окно. Небо затягивают тучи, превращая его в плотное одеяло. Температура за бортом падает, намекая, что может пойти снег. И это весна...

Вздыхаю. Тепла хочется, чтобы чаще заниматься на улице, гулять, в конце концов. Парни правы, я ни с этим городом, ни с этой страной почти не знаком.

Добравшись до квартиры, быстро принимаю душ, переодеваюсь и снова в дорогу. На половине пути к дому Леры покупаю цветы для нее и ее матери, соблюдая простые формальности.

Меня встречают с улыбкой как самого долгожданного гостя. Беляев-старший пожимает мою ладонь, задает вопросы про отца, напоминает, что у них намечено несколько крупных мероприятий. Я киваю, интересуясь некоторыми из них чуть подробнее. Ему нравится мой интерес, и, пока женщины заканчивают сборы, глава семьи рассказывает мне детали.

— Думаю, в следующем году мы сможем больше привлекать тебя к подобным проектам, — говорит Андрей Максимович. — Тебе нужна практика. А вот и наши девочки. — Он резко переводит тему и разворачивается.

Лера в платье цвета красного вина, с открытыми плечами. Оно плавно облегает ее, бесспорно, прекрасную фигуру, струится по бедрам до колен. Острые каблуки туфель удлиняют ноги, а светлые волосы, уложенные в аккуратный низкий пучок, подчеркивают его гляцевую идеальность. Она кокетливым жестом заправляет за ухо выпущенную от виска прядь и улыбается, довольная тем, что произвела нужное впечатление.

Валерия Беляева красива. Она много вкладывает в свой внешний вид. Получает хорошее образование и все, чего ей захочется, поэтому капризна, считает, что ее должны обожать все вокруг, но сама четко разделяет людей на классы. Секс с ней хорош. Чего же мне не хватает? Я думал об этом. Наверное, человечности, тепла. В нашем с ней мире дохрена фальши, игр. Я не хочу, чтобы моя семья была частью мировой политики, потому что хорошо знаю, что это лишает какой-либо свободы не только тебя, но и твоих близких. Должно же быть место, где тебе будет просто хорошо и спокойно и не надо отыгрывать какую-то роль. Но моя роль на данный момент определена.

— Едем? — предлагаю Лере руку для опоры.

Мама накидывает пальто на ее плечи. Я помогаю надеть и снова предоставляю ей руку. Выходим на улицу. С неба и правда срываются снежинки. Открываю для невесты дверь своего BMW и тут же включаю подогрев сидений, понимая, что Лера замерзнет в таком наряде.

Забив в навигаторе адрес ресторана, молча везу ее туда. Так странно, мы вроде оба достаточно образованные люди, но говорить нам не о чем. Вот с Лисенком я бы нашел тысячу тем для разговора. Мне интересно узнавать ее, нравится слушать, видеть, как она смущается, как в ее взгляде появляется растерянность. Даже думать о ней приятно. Мысли откликаются волнами тепла, расходящимися от груди по всему телу.

— Чему ты улыбаешься? — спрашивает Лера.

— Я? Да так. Бой один вспомнил.

Она фыркает и отворачивается к окну.

До ресторана мы снова молчим, как и некоторое время за столиком со свечами и живыми цветами в стильном кувшине. Мама знала, как угодить этой девушке. Здесь все наполнено роскошью от интерьера до редких гостей.

— Ты сегодня особенно молчаливый, — в какой-то момент замечает Лера.

— Я слушаю тебя, — откладываю приборы и внимательно смотрю ей в глаза.

— Лжешь. — Она улыбается. — Я уже несколько минут рассказываю тебе про маму, а ты ешь и смотришь в стол. Я недостаточно красива для тебя? — задает провокационный вопрос.

— Не говори ерунду. Ты знаешь, что красива.

— Я-то знаю, но тебе, кажется, это больше совсем не интересно. Что происходит, Вик?

— У меня проблемы, я говорил тебе еще за ужином у моих родителей, — напоминаю невесте.

— Это повод игнорировать меня? — Она чуть подается вперед, и грудь теперь выглядит еще более выигрышно в ее декольте.

— Я не игнорирую, — прикрываю глаза. — О чем ты говорила? Что там с мамой?

— Иногда мне кажется, что в отношениях нас трое. — Лера аккуратно проводит кончиком языка по губам. — Я, ты и твой бокс.

— На самом деле нас гораздо больше, — беру стакан с водой и делаю пару глотков. — В наших отношениях есть еще наши родители, журналисты, блогеры, а затем к ним присоединятся избиратели и другие люди, которых мы даже не знаем. Думаю, тебе стоит привыкнуть к этому. Бокс всегда будет частью моей жизни. Попробуй это принять, — немного смягчаюсь.

— Если только тебя там не сломают, — вырывается у нее.

Я лишь усмехаюсь, сжав руки в кулаки под столом, чтобы злость, вспыхнувшая внутри, не вырвалась наружу. Мышцы становятся каменными, а воздух вокруг меня холоднее.

— Ты будешь этому рада? — жестко спрашиваю у нее.

— Не терплю конкурентов. — Замолкает, поняв, что загнала нас в тупик. — Извини, — спустя несколько секунд уже мягче и тише просит Лера. — Конечно, нет, я не хочу, чтобы случилось что-то подобное. Я просто ревную.

— Я понял, — киваю ей, стараясь не грубить.

— Вик... Вик, ну я же извинилась, — шепчет Лера, и ей это очень не нравится.

Эта девочка не любит извиняться, но сейчас она слишком хорошо понимает, что перегнула.

— Я тебя услышал. Что там было про маму? — снова перевожу тему.

— Они с твоей устраивают прием в честь открытия их совместного проекта. Мы должны там быть.

— Хорошо, — все так же сухо отвечаю ей. — Ты доела?

— Да.

— Тогда поехали домой. Я устал, — подаю знак официантке, чтобы принесла счет.

Расплачиваюсь, помогаю Лере одеться. Мы выходим на улицу. Снег закончился, и вроде бы стало даже теплее. Жду, когда невеста устроится в салоне, хлопаю дверью чуть громче, чем надо, сажусь за руль и везу ее к родителям.

Когда паркуюсь, мы сидим в машине еще некоторое время. Я даже думаю, что в какой-то степени понимаю ее. Наверное, ей нужно больше внимания, больше моего времени с ней, у нее есть чувства ко мне. Проблема в том, что у меня к ней ничего нет, кроме физического влечения, а вот с Лисенком и тут все иначе. Так странно, мы почти не знакомы, но проводить с ней время мне действительно хочется больше.

Черт! Кажется, в спорте все гораздо проще, чем с женщинами.

Я чувствую на себе взгляд Леры. Поворачиваю голову, она подается вперед, и наши губы едва соприкасаются. Теплое дыхание остается на моей коже.

— Я поняла, — шепчет она.

— Что? — совершенно искренне не понимаю.

— Увидимся, спортсмен. — Невеста улыбается и сама выходит из машины, гордо расправив плечи и подняв подбородок.

Глава 10

Виктор

Вроде ничего не сделала, но как будто ужалила. Неприятно. Может, я просто рожден быть боксером, а отношения с женщинами не мое? Эта мысль забавляет. Еду домой, сделав музыку громче. Крутой рэп на родном языке еще немного приподнимает настроение. Улыбаюсь и даже смотрю по сторонам на пролетающие мимо витрины магазинов с чужими названиями, на людей, кутающихся в теплые куртки.

Мне приходит еще одна шальная идея. Я даже беру телефон, но смотрю на часы в углу экрана и понимаю, что уже слишком поздно. Девочка с медовыми глазами, скорее всего, спит. Не хочу ее будить. С такой тяжелой работой ей нужно хорошо отдыхать.

К дому подъезжаю далеко за полночь. Поднимаюсь в квартиру, надеясь незаметно уйти к себе, но на половине пути к комнате меня ловит мама.

— Я тебя не ждала сегодня. — Она хмурит свои идеальные брови. — Что-то случилось?

— Все нормально. Мы сходили в ресторан, потом я отвез Леру домой, — коротко отчитываюсь перед ней.

— Ты просто невыносим иногда. — Она всплескивает руками.

— Давай я сам буду решать, что мне делать с женщиной после свидания, — резко осаживаю ее. — Это не та часть моей жизни, которая должна тебя касаться. Хотя бы из уважения к тебе я не стану это обсуждать. Добрых снов, мама.

— Пора назначать дату свадьбы, — слышу за своей спиной. — Сергей, слышишь? — Она зовет отца, а дальше ее голос тонет, потому что я закрываю дверь и отхожу вглубь спальни, к окну.

Прислоняюсь лбом к стеклу и смотрю вниз, на город, который никогда не спит. А затем сажусь на пол, сжимаю в руке телефон и еще какое-то время сижу в тишине, потом открываю аккаунт своего уже бывшего клуба. Смотрю фотографии парней с недавних сборов, видео спаррингов, разные приколы. У нас было весело. Я чертовски скучаю по всему этому.

Захожу к ним в чат, и мы переписываемся, пока глаза не начинают закрываться. Прощаюсь, перехожу на кровать и ложусь поперек нее прямо в одежде. Такая усталость накатывает, что шевелиться больше не хочется.

А утром, после пробежки и легкой тренировки на улице, я снова беру телефон и открываю контакт Лисенка. Вспоминаю, как смущалась в столовой, как прятала взгляд, а мне все время хотелось поймать его, чтобы еще раз погрузиться в мед красивых глаз.

Набираю простое сообщение, надеясь в этот раз не напугать хрупкую девочку:

«Доброе утро. Хорошего дня. V»

Перечитываю. Вроде нормально вышло. Нейтрально, но искренне. Киваю сам себе и отправляю.

Принимаю душ и проверяю, не ответила ли она. Мое сообщение отмечено как прочитанное, и на этом пока все. Не буду торопить. С ней приходится быть очень осторожным. Это непривычно, но, кажется, даже интересно.

Спускаюсь на первый этаж и застаю отца за столом. Он пьет кофе, завернув рукава белой рубашки до локтя, а на нашей кухне хозяйничает незнакомая женщина.

— Доброе утро. — С нами здоровается мама. — Я решила проблему с готовкой и уборкой. Это Людмила, — указывает на ту самую женщину. — Она будет заниматься бытовыми вопросами.

— В следующий раз предупреждай заранее, пожалуйста, — равнодушно просит ее отец. — Виктор, сядь. Надо поговорить.

Медленно опускаюсь на стул напротив него. Отец отставляет чашку, сцепляет пальцы перед собой и внимательно смотрит на меня.

— Я решил вопрос с Вайсом. Мои юристы договорились с его юристами, и сегодня в конце банковского дня, когда они уладят основные формальности, я переведу ему неустойку.

— Сколько? — В моем вопросе ничего кроме холода. Должен же я знать, какую сумму мне нужно ему вернуть.

— Это не имеет значения. — Отец качает головой. — Главное, часть проблемы решена. Теперь тебе нужно выключить упрямого барана и встретиться с Гордеевым.

— Назови мне сумму, — снова требую у него, намеренно игнорируя приказ о встрече.

— Я сказал, тебя это не касается, — жестко отрезает отец. — Выполни свою часть сделки, и ты выйдешь на ринг в ближайшее время.

— Я не заключал с тобой сделок, — напоминаю ему. — Ты это сделал для себя.

— И для тебя тоже! — заводится родитель.

— Тогда дай мне выбор, — смотрю ему в глаза. — Я и так делаю все, что ты хочешь. Ради семьи. Выбирать для меня соперников и ринг я тебе не дам. Ты в этом даже не понимаешь нихрена.

— Вик, — возмущенно выдыхает мама.

— Извини, — бросаю ей.

— Поэтому я нашел Гордеева. Он знает рынок, имеет связи в сфере медиа. Он точно ничуть не хуже твоего Вайса, — не унимается отец.

— Ты ему платишь. Этим он хуже. Я поеду, — поднимаюсь из-за стола.

— Виктор, не смей меня позорить. Я договорился с человеком. Сказал, что тоже буду на этой встрече. — Отец тоже поднимается, чтобы быть со мной на одном уровне.

— Я не запрещаю тебе туда ехать, — пожимаю плечами. — Ты же договорился, — усмехаюсь и ухожу, слыша, как он зло сопит, а мама цокает каблуками, чтобы успокоить мужа.

На ходу проверяю телефон. Лисенок все еще молчит, и это начинает меня расстраивать и одновременно беспокоить. Вдруг что-то случилось? И до самого Дворца спорта ощущаю некоторое напряжение во всем теле.

В раздевалке еще раз проверяю телефон, понимая, насколько новое все то, что я сейчас чувствую. Впервые меня кроет от того, что девушка не ответила.

Иду в зал, радуясь, что сегодня спарринги. Утро не задалось с самого начала, и мне нужно выпустить пар.

У ринга вижу Терехова с двумя яркими парнями. Один высокий, крупный и массивный, с короткой стрижкой, серьезным взглядом и очевидно тяжелым кулаком. А второй более гибкий и жилистый, с прищуром и надменной, провокационной ухмылкой. Я уже примерно понимаю, что меня сегодня ждет.

— Вить, привет, — здоровается тренер. — Знакомься, — кивает на парней. — Данте и Тика. Бойцы с большим опытом. Бокс, ММА, бои без правил. Владельцы коммерческой сети клубов «Хаос». Думаю, в будущем тебе это может быть интересно.

— Спасибо, — благодарю Терехова, обдумывая неплохой послужной список парней и стараясь прикинуть, где ожидать подвоха. Не просто же так их сюда позвали. Значит, у тренера есть какая-то цель.

— Na, Champion, ready, mal ganz persönlich mit dem Ringboden Bekanntschaft zu machen?²
— Тика произносит на отличном немецком, растягивая губы в улыбке и окидывает меня цепким взглядом.

² Ну что, чемпион, готов лично познакомиться с настилом ринга?

— Halt die Fresse, Tika, — усмехаюсь в ответ. — Sorg lieber dafür, dass deine Beine heute schneller sind als deine große Klappe³.

— Digga, wann hast du den denn gebissen? — Он оборачивается к Данте, но тот лишь молча наблюдает. — Aber ich feier den Typ(en). Dem will ich gleich richtig eine verpassen⁴.

— Große Worte, — пожимаю плечами. — Du laberst ganz schön viel. Mal sehen, was du wirklich drauf hast, wenn's ernst wird⁵.

Тика смеется, довольно потирая ладони.

— Digga, wenn du nach dem Sparring noch genauso mutig und halbwegs heil bist wie jetzt, zieh ich echt meinen Hut vor dir⁶.

— Шляпу? — усмехаюсь, переходя на русский. — У тебя же ее нет.

— Für dich treib ich schon irgendwo eine auf, — подмигивает он. — Ehrensache⁷.

Я качаю головой, но улыбка не сходит с лица. Тика — отличный провокатор, как я понимаю, но не злой, просто играет.

Тренер устает от нашей болтовни, прерывает ее одним взглядом и объясняет расклад: сначала спарринг с Данте, потом с Тикой. По два раунда, без фанатизма, но в полную силу.

— Разминайся, — бросает мне и отходит в сторону, занимая позицию наблюдателя.

Через десять минут выходим на ринг. Данте сразу занимает центр, ноги широко, корпус чуть наклонен вперед. Уверенный, мощный. В нем чувствуются сила и тот самый опыт, про который говорил Терехов.

Я знаю, как работает тело с его ростом и весом, мы в одной категории, но, как только парень начинает двигаться, изученные мной схемы ломаются. Мне приходится быстро подстраиваться, иначе реагировать, чаще уходить в защиту, пока я не пойму, как его достать.

Адреналин и азарт растекаются по венам. Я становлюсь еще внимательнее. Джебом снова проверяю дистанцию. Данте блокирует. У меня ощущение, что передо мной танк, но я тоже не так прост, как они думают.

Коротко ухмыляюсь и ловлю новый момент для атаки. Бью быстрее, резче, злее, попадая в корпус. Дан тут же идет в контратаку. Сталкиваемся, разлетаемся друг от друга. Тяжело дышим. Его глаза горят. Мои, скорее всего, тоже.

Включаю ноги на полную. Ухожу с линии, выбрасываю двойку. Один удар проходит в плечо.

Он снова наваливается. Бьет низко, тяжело, методично. Я закрываюсь, но пара ударов доходят: в печень и в солнечное сплетение. На секунду перехватывает дыхание. Новой волной адреналина обжигает, и я отвечаю мощной серией ударов, поймав момент и врезаясь перчаткой ему в голову.

— Боу! — комментирует Тика. — Хорошо!

Да, отлично. Мы разогрелись, и теперь все стало еще интереснее.

Заканчиваем второй раунд. Ничья. Не то чтобы я доволен, но в данных условиях и при том, что не все приемы соперника были из бокса, вышло неплохо.

— Поменялись, — командует Терехов.

Ударяемся перчатками с Данте в знак уважения. Бой реально получился интересный. Мне есть о чем подумать.

³ Заткнись, Тика. Лучше сделай так, чтобы твои ноги сегодня были быстрее, чем твой длинный язык.

⁴ Чувак, когда ты вообще успел его укусить? Но мне этот тип нравится. Я хочу сейчас как следует ему врезать.

⁵ Громкие слова. Ты довольно много треплешься. Посмотрим, что ты реально умеешь, когда станет по-настоящему серьезно.

⁶ Чувак, если после спарринга ты будешь таким же смелым и хотя бы более-менее целым, как сейчас, я реально сниму перед тобой шляпу.

⁷ Ради тебя я где-нибудь ее раздобуду. Дело чести.

На ринг выходит Тика, и сразу все меняется. Само течение воздуха будто становится быстрее. Обращаю внимание, что он без капы.

— Даже не надейся, — коварно улыбается, пружиня ступнями на настиле.

Он не прет как танк, он танцует. Меняет стойки: то в классической ортодоксе⁸ стоит, то в southpaw⁹ переходит, как опытный левша. Его движения быстрые, красивые и абсолютно непредсказуемые. Прыгает, дразнит. Бьет и сразу уходит, не дает поймать себя на контратаке.

Бокс заканчивается. Мне пытаются навязать правила новой игры, но я не позволяю и осаживаю его, отлавливая в моменты, когда он слишком открывается. Тут же понимаю, что делает это не просто так.

Правил больше нет. Есть обманки, провокации, насмешки друг над другом. Это не отменяет его опыта, опасности и сильных, непредсказуемых ударов. Мой мозг работает на полную катушку. Меняю тактику, чтобы его достать, и в подходящий момент моя перчатка врывается в его челюсть. Тика округляет глаза, клацнув зубами. Проводит по ним языком, проверяя, все ли целы. Сплювывает скот и нападает снова и снова, пока тренер не останавливает нас.

— Очень хорошо, парни. Спасибо. Вить, на разбор завтра к десяти подойди в тренерскую. На сегодня все.

Он пожимает нам ладони и уходит, а мы еще некоторое время обсуждаем спарринги. Напоминаю Тике про шляпу.

— Я обещал, — соглашается он. — Приезжай в «Хаос», у нас в выходные будет отличная вечеринка. Можешь взять с собой девушку, если есть. Если нет, мы найдем, как скрасить твой вечер. Там и со шляпой разберемся. — Снова проводит языком по сколотому зубу и морщится. — Ты второй, кто смог это сделать.

⁸ Ортодокс — классическая стойка правши в боксе: левая нога и левая рука впереди, правая сзади. Левая рука работает как джеб (разведка, сдерживание), правая — как ударная.

⁹ Southpaw — стойка левши: правая нога и правая рука впереди, левая сзади. Боксеры в такой стойке бьют с необычных углов, что часто сбивает с толку соперников-правшей.

— А кто первый? — становится интересно.

— К сожалению, не я, — смеется Данте. Это меня немного удивляет. Мне сначала показалось, что он не умеет этого делать в принципе. — Если в клубе появишься, познакомим. У тебя хороший уровень. Можешь далеко пойти, — уже серьезно говорит он.

— Спасибо. Я как раз туда стремлюсь.

— Мне по секрету шепнули, что у тебя проблема с промоутером. — Тика переходит на деловой тон.

— Это правда, — не вижу смысла скрывать, — но теперь будет легче. С Германией контракт расторгли.

— Тогда у меня есть пара проверенных рекомендаций. Не могу обещать, что они с ходу подружатся с Тереховым. Он мужик очень принципиальный и пока не намерен выпускать тебя на турниры, но любой из них пободается, сильно поднимая шансы.

— Твой интерес? — прямо спрашиваю у него.

— Подразню Юрия Германовича немного, — смеется Тика.

— Я согласен, — протягиваю ему руку. Мне как раз нужна была рекомендация реальных коммерческих бойцов.

— Тогда ждем у себя в выходные. — Он крепко сжимает мою ладонь.

Так же прощаюсь с Данте и ухожу в раздевалку. Первым делом проверяю телефон, и в груди вновь разливается уже знакомое тепло. На экране сообщение:

«Привет, Виктор. И тебе хорошего дня :)»

Глава 11

Вера

Отложив телефон, вновь утыкаюсь в конспекты. Мне нужно все дочитать, перенести в тетрадь основные тезисы и вернуть все куратору. Рядом лежит раскрытый учебник. На его страницах расписано все про пролежни, методы их обработки и профилактику. Иногда я думаю, что на подобные темы уже сама могу читать лекции, но все равно держу материал перед глазами.

В очередной раз погружаюсь в учебу, но понимаю, что постоянно перечитываю одно и то же предложение. Меня все время выбивают громкие разговоры, доносящиеся с кухни:

— ...я этому козлу еще тогда сказал! Ты помнишь, Серега? Ты ж там был! — Отец хрипло что-то доказывает очередному собутыльнику.

— А то! — Второй голос еще более скрипучий и пропитый. — Он тогда вообще... — Дальше не разобрать: мат, смех, звон рюмок. Меня передергивает.

Я даже отсюда чувствую вонь дешевого алкоголя и немытого тела. Потом проветриваться неделю будет. И не сделаешь ведь ничего. Боюсь, что сразу с двумя пьяными мужиками мне не справиться. Участковый не приедет. Его соседи столько раз вызывали, что он нашу квартиру стороной обходит. У него таких алкашей на участке с десяток. Никто ж никого не убивает, можно не вмешиваться.

— Да херня, не ссы! — снова раздается вопль.

Заправляю волосы за уши и снова пытаюсь читать учебный материал. Бабуля рядом тихо кряхтит. Я улыбаюсь ей, стараюсь показать, что все в порядке, и читаю вслух, чтобы она слышала мой голос, чтобы ее мозг работал, распознавал слова:

«Профилактика пролежней включает регулярное изменение положения тела пациента каждые два часа...»

— ...а я ей говорю: ты че, охренела? Это моя хата, я тут главный!

— Правильно. Бабу надо на место ставить. Жестче с ней! — раздается удар, скорее всего, кулаком по столу.

После этого на кухне что-то с грохотом падает, звенит стекло, звучит новая порция мата. Закрываю глаза, набираю в грудь побольше воздуха и медленно выдыхаю.

— Верка! — орет отец — Иди сюда.

У бабушки зрачки начинают нервно двигаться. Поднимаюсь, глажу ее по руке и выхожу из комнаты. Незнакомый мужик так напился, что упал с табуретки, перевернул ее и смахнул со стола рюмки. Теперь они осколками валяются на полу, на всю кухню воняет водкой, а сам «Серега» лежит и смотрит в потолок.

— Видишь, хороший человек встать не может. Помоги, — требует отец.

— Я его ни за что не подниму. И трогать тоже не хочу, — ужасно злюсь на него. — Вдруг он заразный.

— Че ты сказала? Да я тебя... — Отец замахивается, я вжимаю голову в плечи, но гравитация оказывается сильнее, и пьяное тело качает вперед. Пространство для маневров занято валяющимся алкашом. Их ноги запутываются, и мой родитель смачно шмякается прямо на своего собутыльника. Тот успел отключиться от количества выпитого и никак не отреагировал на случившееся.

— Какой ты мерзкий, — шепчу себе под нос. — Вот и лежи там.

— Да ты... ты ответишь... получишь у меня... — Он пытается угрожать, но слова становятся все невнятные. Отец все больше булькает рвотными позывами.

Не желая на это смотреть, возвращаюсь к бабушке. И сейчас мне даже не страшно, он все равно невменяемо пьян и ничего не вспомнит, а вот убирать за ними придется.

— Все хорошо, — присаживаюсь рядом с родным человеком. — Я знаю, что так думать плохо, но, может быть, однажды он так напьется, что нам всем станет немного легче.

Бабуля в ответ мычит и сжимает мои пальцы. Я радуюсь таким реакциям. Они напоминают, что еще не все потеряно, нужно быть терпеливее, учиться и работать усерднее, и тогда у нас будут шансы на что-то хорошее.

— Да, не этому ты меня учила, но жизнь такая жестокая и несправедливая, ба. Иногда она очень похожа на войну. Давай мы с тобой попробуем поговорить? Ты помнишь, мы учим мое имя. Ве-ра, — произношу по слогам. — Ве-ра, — повторяю. — Попробуй.

Через полчаса, чтобы не утомлять ее, я возвращаюсь к конспектам. На кухне все стихло, и можно сосредоточиться на материале. Внимательно вчитываюсь в абзацы и даже не сразу понимаю, что мой телефон вибрирует.

Виктор: «Как у тебя дела?» — написано в сообщении.

У меня мурашки и странные чувства. Они иголочками покалывают где-то в районе пупка, и мышцы сжимаются, сосредотачивая напряжение в одном месте. Ничего плохого не происходит. Мне нравится с ним общаться. Может быть, это меня настораживает? Я не привыкла к такому отношению и все время жду подвоха. Но мне так хочется ему ответить, что у меня кончики пальцев чешутся.

Я: «Все хорошо. Спасибо» — смотрю, как под сообщением появляются две галочки, а вверху написано, что Виктор в сети.

От простых фраз веет чем-то хорошим, и я улыбаюсь, увидев его вопрос.

Виктор: «Ты сегодня в баре работаешь?»

Я: «Да».

Виктор: «Я приеду?»

Я: «Зачем?» — искренне не понимаю, почему такой парень, как он, хочет проводить время с такой, как я.

А какая я? Дикая, подозрительная, странная. У меня даже друг нет, все давно отвернулись, потому что отец — пьяница, работаю уборщицей, нет модных вещей и хорошего телефона. Я даже лишний кофе себе купить не могу. С такой подругой неинтересно. Так с чего ему проявлять ко мне интерес? Может, поспорил? Я слышала, мальчики любят спорить на девушек. Но он не похож на тех, кто делает это. И сама же на свои мысли глаза закатываю. Откуда мне знать?

Виктор: «Побуду твоей личной охраной».

Глупое сердце тут же сжимается сильнее. Так приятно, и логически не объяснить.

Вера: «Это неудобно. У тебя наверняка есть свои дела».

Виктор: «Ты права».

Ну вот, я же понимаю.

Виктор (спустя несколько секунд): «У меня есть очень важное дело на этот вечер. Я должен проводить домой одного маленького Лисенка».

Надо перестать улыбаться. Сейчас же! Но я как дурочка накручиваю на палец каштановый локон и слушаю удары собственного сердца в висках. В его действиях всегда чувствуется забота. Какая-то настоящая, очень теплая. Интересно, он хоть немного может себе представить, что это для меня значит и как страшно мне о нее разбиться?

— Ве... — слышу хриплый стон с функциональной кровати.

Резко поворачиваю голову. Смотрю на бабулю, думая, что мне показалось.

— Ве... — снова хрипит она.

— Да, — шмыгаю носом. — Да, бабуль. Да. Ве-ра. Да. — Голос дрожит. Я кидаюсь к ней и обнимаю, надеясь не напугать. Жгучие слезы текут по щекам, а сердце точно выпрыгнет из груди сегодня.

Господи, если ты есть, я благодарю тебя. Спасибо за этот чудесный день. За надежду. Такую хрупкую и такую необходимую. Только не забирай ее у меня сразу. Пусть этот день будет хорошим до конца. Я хочу запомнить это чувство. Оно мне очень нужно. Мне нужны силы. Пожалуйста.

— Ты такая молодец, — всхлипываю, целую бабулины щеки. — Ты у меня настоящий боец. Я тобой очень горжусь.

Воодушевленно собираю со стола тетради и книги. Иду на кухню, осторожно перешагивая через двух пьяных, храпящих мужиков, перепачканных рвотой. Открываю форточку, дверь на балкон, чтобы не задохнуться от вони, стоящей тут. Разогреваю для бабушки еду и возвращаюсь к ней, продолжая просить Вселенную дать мне шанс выдохнуть.

А вечером собираюсь на работу в бар. Затем еду в метро, не в силах спрятать счастливую улыбку. Маленькие события, которые принесли так много.

— Какая-то ты сегодня странная, Вер, — замечает один из завсегдатаев бара. Я лишь пожимаю плечами, подталкивая к нему кружку пенного.

У меня есть повод для улыбки и для волнения, но волнение в этот раз тоже приятное. Время летит за работой. За окном уже совсем темно, у меня гудят ноги и немного шумит в голове от усталости. Последний клиент покидает бар, и я могу отправиться домой.

Вместе с охранником выхожу на улицу. Тут же замечаю машину, припаркованную у обочины, а возле нее парня. Высокая, спортивная фигура двигается точно ко мне.

— Как смена? — спрашивает Виктор.

— Все прошло спокойно. Привет, — отвожу взгляд, но затем снова поднимаю.

— Привет, Лисенок, — улыбается он. — Пойдем?

Я киваю, и мы отправляемся пешком в сторону моего дома. Какое-то время молчим, но мне хочется что-нибудь спросить у него. Раз мы общаемся, я могу узнать его немного лучше.

— Виктор, — начинаю несмело.

— Не обязательно так официально. Можно просто Вик, — поправляет он.

— Хорошо, давай попробуем. Вик, — осторожно произношу его имя еще раз, — а почему ты выбрал именно бокс?

Он смотрит на меня, будто проверяя, правда ли мне интересно. Я не отвожу взгляд, стараясь показать, что готова и хочу услышать ответ.

— Не знаю. Мне кажется, я родился в боксерских перчатках. Только представь, ты выходишь на ринг, и все, что у тебя есть, — это ты сам, твой характер, твоя подготовка, твои мысли, ноги, руки, которыми ты управляешь. Оправдания больше не работают. Есть только цель, и ты должен ее достичь. Никто кроме тебя этого не сделает. Ты несешь одинаковую ответственность за свою победу и свой проигрыш. За последнее даже больше. Ты становишься сильнее с каждым боем. Ты осознаешь, что способен на многое. На гораздо большее, чем большинство людей. Это захватывающее чувство. Оно полностью меняет мировоззрение, отношение к жизни.

Он говорит, задерживая дыхание, а я вижу, как меняется его лицо. Глаза загораются, жесты становятся активнее, на губах то и дело появляется улыбка. Он даже шаг ускоряет, но потом спохватывается, сбавляет темп, чтобы я успевала.

— Это как шахматы, — продолжает Вик. — Нужно просчитывать соперника, читать его, видеть, что он сделает через секунду. А еще чувствовать дистанцию, момент, когда можно ударить, а когда лучше уйти. И при этом не бояться. Если боишься, ты уже проиграл. — И тут он вдруг замолкает, останавливается и смотрит на меня. Я удивляюсь, улавливая оттенки смущения в его глазах. — Извини, — трет затылок ладонью. — Я увлекся. Наверное, тебе неинтересно слушать про это.

— Нет, — качаю головой. — Мне правда интересно. Я ничего не знала о боксе раньше. Совсем. А ты так захватывающе рассказываешь. Мне даже захотелось попробовать.

— Это целый мир, Лисенок. Иногда жестокий, иногда несправедливый. Но мой. И если ты действительно хочешь, мое предложение в силе. В прошлый раз я звал тебя, помнишь?

— Помню.

— Когда будешь готова, я могу попробовать помочь с первым занятием.

— Спасибо. И за то, что проводил. — Он и не заметил, что мы дошли до моего подъезда. Если честно, я тоже не сразу обратила на это внимание.

— Не за что. — Виктор ведет плечом и замолкает. Задумчиво смотрит в пространство за моей спиной, потом снова на меня. — Ты тоже можешь кое-что для меня сделать.

Я напрягаюсь. Внутри все моментально сжимается. Что я могу сделать? Что он попросит?

— Чем я могу помочь? — неуверенно спрашиваю.

— Ты опять напугалась. — Вик расстроенно вздыхает. — Я же говорил, что не обижу тебя. — Молчу. — Однажды тебе придется рассказать мне, кто так сильно тебя напугал, — произносит он тихо. — А пока... Пока мне нужна хорошая компания в выходные на одном мероприятии.

— Мероприятии? — округляю глаза.

— Да. Клуб «Хаос». Там будут ребята, с которыми я спарринговался. Вечеринка. Ничего криминального, просто посидим, послушаем музыку, и я попробую решить один важный вопрос для своей карьеры.

Я пока не знаю, что ему сказать. Это предложение оказывается очень неожиданным.

— Я никому не позволю тебя обидеть, — добавляет Виктор. — Мы можем просто хорошо провести время. Ты развеешься. Я постараюсь не пугать, обещаю не приставать. Как друзья. Подумаешь об этом? Время еще есть.

— Я ...

— Не отвечай прямо сейчас, — останавливает. — Просто подумай.

Протягивает руку и невесомо касается пряди моих волос. Едва-едва, кончиками пальцев. На секунду. И тут же убирает руку. Отворачивается.

— Спокойной ночи, Лисенок.

— Спокойной... — шепчу в ответ, прикрываю глаза и улыбаюсь, а внутри все дрожит, и сердце снова хочет выпрыгнуть из груди.

Глава 12

Виктор

За последние дни у меня появилась привычка часто проверять сообщения в телефоне. Раньше уведомления могли копиться бесконечно, а потом просто смахивались как спам, но теперь появилось нечто важное, ценное, что я не хочу пропустить. Только Лисенок все еще не дала мне ответ насчет вечеринки.

Вчера вечером мы немного переписывались на нейтральные темы, про план спрашивать не стал. У меня в целом такое чувство, что я хожу по тонкому льду. Тот трещит под ногами, готовясь лопнуть, если я сделаю неправильное или слишком резкое движение. Это очень сложно, но хороший результат не дается легко. Чтобы получить нечто по-настоящему ценное, необходимо прилагать усилия.

Провожу большим пальцем по экрану, открывая чат с нашей перепиской.

Я: «Привет, маленький Лисенок» — пишу ей.

Спускаюсь на кухню. Застаю маму за телефонным разговором. В домашнем брючном костюме она ходит вдоль окна и кого-то отчитывает за срыв сроков.

Открываю холодильник, достаю ломтик сыра с тарелки, засовываю в рот и собираюсь уйти, но мать ловит меня за футболку сзади.

— Стой, — просит и тут же обращается к собеседнику: — Если вы не исправите ситуацию, у вас будут большие неприятности, — обещает она и отнимает телефон от уха.

— Что случилось? — спрашиваю, удобно прислонившись к кухонной тумбе и раздумывая, а не взять ли еще кусочек сыра.

— У нас открытие нового образовательного центра, который, скорее всего, станет здесь головным. Здание удобно расположено, долгосрочная аренда, педагоги, которые будут вести языковые курсы, готовить студентов к учебе за границей, к жизни в других странах, к общению...

— Мам, мам, я знаю, — смеюсь, немного притормаживая ее запал.

— Да, — кивает она, отвечая непонятно на что. — Назначена дата открытия, приглашены нужные люди. Мы развернули масштабную рекламную кампанию, привлекая в центр перспективную молодежь с платежеспособными родителями. И как ты думаешь, Вик, в чем оказалась проблема?

— Ремонт не закончили? Поставки чего-нибудь задерживают? — предполагаю я.

— Именно. Вчера мне сообщили, что задерживается поставка мебели в учебные классы. Видите ли, на производстве форс-мажор и они могут не успеть. Это кошмар. Почему люди такие необязательные? — Она смотрит на меня так, будто это я задержал поставку. Хотя я понимаю, на что намекает эта женщина.

— Ты успеешь найти замену?

— Мне не нужна замена. Это был идеальный вариант. У них есть те цвета мебели, которые мне были нужны. Мы не можем взять дешевое барахло, которое стоит в каждой школе, и продавать себя как элитное образовательное учреждение. Я все равно своего добьюсь, — твердо заявляет она.

— Перенеси открытие на несколько дней, — предлагаю матери еще один разумный вариант.

— Ты же не переносишь свои турниры, если что-то идет не так у одного бойца, да?

— Я понял, — улыбаюсь, глядя в ее глаза, полыхающие праведным гневом и какой-то простой женской обидой.

Потом они спрашивают, в кого я такой упрямый.

— Все будет так, как запланировано, — важно заявляет мать. — И вы с Лерой станете лицом молодежи высшего класса. Покажете важность хорошего образования и знания языков. Красивые, стильные, успешные и умные. А главное, — она важно поднимает палец, — счастливые. То, что нам сейчас нужно...

У меня в руке вибрирует телефон, и я перестаю слушать маму.

Лисенок: «Привет».

Я: «Что ты решила насчет вечера?» — быстро набираю ей в ответ.

Лисенок: «Ты действительно хочешь, чтобы я пошла с тобой на эту вечеринку?»

Я: «Конечно. Почему ты сомневаешься?»

Лисенок: «Не знаю».

Я: «Мне будет приятно, если ты составишь мне компанию. Я ни к чему тебя не обязываю. Это дружеская вылазка» — напоминаю ей.

Лисенок: «Да. Я бы хотела пойти. Правда, есть проблема».

Я: «Какая?»

Лисенок: «Мне нужен дружеский совет» — она будто подчеркивает мой статус этой формулировкой, но может быть мне только так кажется, хотя я сам сказал, что мы идем как друзья.

Я: «Готов попробовать».

Лисенок: «Наверное, это глупо или странно, но я никогда не была в клубах и на вечеринках. Я не понимаю, что надеть».

— Надеюсь, ты с Лерой переписываешься, — вдруг вмешивается мать. — Так довольно улыбаться ты можешь только с ней. Или со своими боксерами, — делает мне одолжение.

— На что еще мне нужно твое разрешение? — тут же злюсь. Мать поджимает губы и уходит, а я возвращаюсь к переписке с Верой, думая, что ей ответить.

Я: «Я не силен в женских нарядах. Думаю, ты можешь надеть то, в чем будешь чувствовать себя комфортно. Это важнее всего. Мы ведь идем туда, чтобы повеселиться, а не переживать из-за нарядов».

Лисенок: «Не хотелось бы выглядеть глупо».

Я: «Сомневаюсь, что это возможно».

Лисенок: «Во сколько мы поедем?»

Я: «К семи заеду. Надеюсь, в этот раз ты не будешь против машины?»

Лисенок: «Не буду. Кажется, ты и правда не кусаешься».

Я: «Только не говори никому» — смеюсь, отправляя ей.

Лисенок: «Обещаю хранить твой секрет. До вечера, Вик».

Довольный, как не знаю кто, крепче сжимаю телефон в руке. Мне теперь еще интереснее пойти с ней на вечеринку. Для нее откроется новый мир, а я увижу это первым.

Быть первым всегда приятно. Не думал, что в таких вещах тоже.

До вечера успеваю прочитать учебный материал и сходить на тренировку.

Приняв душ, открываю шкаф и достаю оттуда темные джинсы, футболку графитового цвета и короткий темный бомбер без логотипов, с чистыми линиями. К образу добавляются удобные кроссовки и немного парфюма. Ничего лишнего. Я в целом, скорее, сторонник минимализма, это касается и одежды.

Забираю ключи от машины из другой куртки. Не забываю документы, телефон. Бросаю в зеркало еще один короткий взгляд, чтобы убедиться, что все в порядке, и покидаю квартиру.

Машина ждет на парковке. Сразу же включаю музыку и отправляюсь за Лисенком.

Подъезжаю к ее дому за несколько минут до назначенного времени. Не люблю опаздывать.

Глушу двигатель, откидываюсь на спинку сиденья и, поглядывая на дверь подъезда, бесцельно листаю ленту социальной сети.

Вера выходит на улицу без одной минуты семь и замирает в нескольких шагах от моей BMW. На ней черные джинсы и светлый мягкий свитер оверсайз с горлом. Вдыхаю. Снова спряталась. Каштановые кудряшки заплетены в две косы, а несколько пружинок покороче отбрасывают тени на лицо и касаются щек. Очень милая и нежная девочка, только закрытая. Приятно, что она решила довериться мне.

Выхожу на улицу, здороваюсь и открываю перед ней дверь. Она забирается в салон, и я возвращаюсь за руль. Улавливаю приятный, мягкий аромат духов. Я бы назвал его таким же теплым, как она сама.

— Ты отлично выглядишь, — делаю ей искренний комплемент, понимая, что она волнуется.

— Спасибо, — улыбается мне.

— Все будет хорошо. Мы проведем отличный вечер, — подмигиваю ей. Вбиваю адрес клуба в навигаторе и везу нас туда, чуть крепче сжимая пальцы на руле.

Посмотрим, сможет ли Лисенок принять меня таким, какой я есть.

Глава 13

Виктор

Такого формата заведений я еще не встречал. В официальном спорте между боями и вечеринками есть разделение. Формат коммерческих боев может немного отличаться, но в целом ты все же понимаешь, что потом пойдешь веселиться в другое здание. Мы с парнями были в клубе, где пару раз в месяц устраивают бои ради шоу и привлечения аудитории. В них нет ничего серьезного, и чаще на ринг или в бассейн с пеной выходят девушки.

Парни из «Хаоса» решили объединить два формата. По внешней стене клуба растянут огромный баннер с фотографиями бойцов и датой проведения поединка. Ближе ко входу вертикальное полотно зазывает клиентов развлечься на вечеринке.

Лисенок настороженно смотрит по сторонам. Нахожу ее руку и крепко сжимаю маленькую ладонь в своей. За басами музыки, бьющими даже на улице, слышу ее пульсирующий выдох. От прикосновения кожи к коже становится приятно, и пальцы сжимаются еще немного крепче.

Проходим через охрану. Нас со всех сторон обволакивают музыка, голоса, смесь запахов парфюма, алкоголя и ментолового цитруса в легкой дымке из дым-машины. Он придает свежесть, стиль и немного глушит все остальное, не раздражая рецепторы.

Вера крутит головой, с любопытством рассматривая новую обстановку, но при этом держится ко мне еще ближе, чем минуту назад на улице.

— Хей! Рад видеть. — От барной стойки к нам двигается Тика, подняв вверх в знак приветствия. На нем надета шляпа с узкими, приподнятыми полями. Выглядит довольно неплохо и вызывает улыбку.

— Здравствуй, — пожимаю его ладонь. — Как зуб?

— Починил, — проводит языком по белой эмали и вопросительно смотрит на Лисенка.

— Моя подруга, Вера, — представляю ее.

— Приятно. Тика. — Он обращается к ней. — Сегодня не будет боев. — Парень словно успокаивает ее. — Мы освободили место для развлечений. Получайте удовольствие, расслабляйтесь. Я чуть позже тебя найду, — это уже мне. — Да, кстати. — Тика снимает шляпу и едва наклоняет голову в знак признания. — Обещал.

— Принимается, — смеюсь я. Он надевает шляпу мне на голову и исчезает в толпе. Я же отдаю ее Вере. С ее кудрявыми косичками выглядит просто шикарно.

— Это твой друг? — спрашивает она.

— Нет. Я сломал ему зуб, а он отдал мне свою шляпу.

— О-го. — Лисенок округляет глаза. — Парни очень странные.

— Думаешь? — снова крепко сжимаю ее ладонь и веду ближе к барной стойке. Прошу у бармена закрытую бутылку воды. — Что ты хочешь?

— Я не знаю. — Вера пожимает плечами.

— Будешь сок или лимонад? — предлагаю варианты.

— Лимонад, — совсем тихо произносит она.

Смущаясь, читает барное меню. Ладонью закрываю для нее столбик с ценами, чтобы снизить градус напряжения. Хочу, чтобы выбрала не то, что дешевле, а то, что ей действительно хочется.

— Этот, — останавливается на клубничном мохито.

Бармен собирает для нее коктейль, засыпает внутрь кубики льда, украшает ягодой и листьями мяты. Столько искренней радости в глазах девушки я, наверное, не видел очень давно. Вера обнимает высокий стакан обеими ладонями и ловит губами половинку свежей клубники, а я слежу, как ягода исчезает у нее во рту, как дрожат темные, пушистые ресницы, как от улыбки и моего пристального внимания ее щеки вновь покрываются румянцем.

Отворачиваюсь, чтобы не смущать. Пью воду, смотрю, как на танцполе двигаются люди. Вечеринка идет полным ходом.

— Хочешь потанцевать? — Правда, из меня паршивый танцор, но мы можем развлечься.

Она часто кивает. Я беру ее за руку, тяну прямо в толпу и разворачиваю к себе. Беру за вторую руку, сжимаю обе ладони, удерживая вполне приличную дистанцию. Мы двигаемся под музыку, дурачимся больше, чем танцуем. Вера расслабляется, смеется и охотно кружится вокруг своей оси, когда я поднимаю наши руки выше. Ее косички немного растрепались, а рукав свитера задрался. Мой взгляд тут же цепляет темное пятно на предплечье.

— Откуда это? — спрашиваю, перекрикивая музыку.

— Что? — не сразу понимает Лисенок. — Черт, — резко одергивает рукав. Ее взгляд тускнеет за считанные секунды. — Ударилась, когда убиралась во Дворце, — бормочет она, но я все слышу, и мне кажется, что она лжет.

— Ты уверена в этом?

— Конечно. — Она упрямо смотрит на меня.

Отступаю, чтобы не давить.

— Пойдем попьем, — предлагаю ей.

Уходим к бару. Я делаю новый заказ и помогаю Лисенку устроиться на высоком стуле. Она обращает внимание, что я снова пью воду.

— Период межсезонья прошел, — рассказываю ей после пары глотков из бутылки. — Теперь нужно строго следить за всем, что я употребляю, чтобы держать вес. Он у меня и так близок к верхней границе.

— А что будет, если ты нарушишь эту границу?

— Будут проблемы. Если перед боем не попадаешь в свой вес, то тебя ждут большие штрафы, отмена боя и другие неприятные последствия.

— Ничего себе, — шепчет она. — Я не знала, что все настолько серьезно.

— Вес для боксера — один из важнейших показателей. От этого многое зависит, так что за цифрами на весах следят очень тщательно все от самого спортсмена до тренера и врача клуба.

Из толпы появляется Тика. Зовет нас с собой и сразу сворачивает к той части зала, в которой расположены столики. За ними практически никто не сидит. Люди пьют, общаются, танцуют, поэтому здесь тише и немного спокойнее.

За столом у стены расположились Данте и незнакомый мне парень с тяжелым, подавляющим взглядом. Тот случай, когда сразу понимаешь, что просто не будет. Нас представляют друг другу. С усмешкой Тика рассказывает, что Арс был тем самым первым парнем, что смог сломать ему зуб. Утверждает, будто это вышло случайно. Они смеются и громко спорят об этом.

Лисенок садится рядом со мной. Я чувствую, как ее бедро прижимается к моему. Она тоже чувствует, неловко отодвигается и шепчет: «Извини».

— Все хорошо, — успокаиваю ее. — Хочешь чего-нибудь еще?

— Нет. — Она качает головой. Думаю, мне нужно будет ее обязательно покормить, когда мы уйдем отсюда.

— Немец, — зовет меня Тика, — я обещал свести тебя с человеком. Он подъехал. Сейчас подойдет к нам. Если сработается, лично мне будет просто приятно. Ну и договоримся о нескольких боях на нашей площадке. В этом году мы предоставляем один из своих клубов для проведения турниров. Вдруг тебе у нас понра-а-авится, — загадочно тянет он.

Данте хмыкает, Арс улыбается, а Лисенок тихо сидит рядом со мной, не замечая, как снова прижалась бедром к моему бедру.

К нам подъезжает мужчина в инвалидном кресле. От удивления даже воздух над столом застывает. На нем джинсы, свободная футболка, но я обращаю внимание на другие детали: предплечья, проработанное телосложение выдают в нем человека, который отлично знает, что такое спортзал. Не кричащие, но брендовые часы на запястье подчеркивают статус. Короткая стрижка, старый шрам, пересекающий бровь и уверенный взгляд выдают в нем бойца. Очевидно, бывшего.

— Здравствуй, Аслан. — Тика первым протягивает ему руку. Затем и остальные парни здороваются. — Парень, про которого я рассказывал, — указывает на меня.

— Рад видеть. — Он отвечает сразу всем. — Шумно у вас тут сегодня.

— Одними боями сыт не будешь, — посмеивается Тика.

— Тут я бы с тобой поспорил, — парирует Аслан. — Ты просто неправильно ешь бутерброд.

За столом снова раздается дружный хохот. Я тоже улыбаюсь, но не понимаю, как связан бутерброд с боксом и клубом. Вероятно, это такая же метафора, как было со шляпой.

— Расскажешь мне потом о смысле этого выражения? — шепчу Вере на ухо.

— Хорошо. — Она громко шепчет в ответ.

— Ну что, поговорим? — предлагает Аслан.

Глава 14

Виктор

Данте неожиданно предлагает присмотреть за Верой. Я обещаю ей, что буду недалеко и она сможет меня видеть.

Аслан отъезжает к самому дальнему столику. Я прохожу и сажусь напротив него, впервые за серьезную спортивную карьеру чувствуя себя мальчишкой перед матерым боксером. Он смотрит не на меня, а внутрь, отыскивая там слабые места.

К нам бесшумно подходит официантка. Составляет с подноса две чашки черного кофе и испаряется. Мы ничего не заказывали. Я бросаю короткий взгляд на парней, Тика показывает мне большой палец вверх и что-то говорит Вере.

— Ты уже успел нашуметь в наших кругах, — сделав глоток кофе, сообщает Аслан.

— Странно. Здесь я еще ничего не сделал, — не без сожаления отвечаю ему.

— Вот и я так считаю. — Он криво ухмыляется. — Я не делаю деньги на пустом шуме. На местной арене ты пока никто. Ноль. — Его слова звучат довольно жестко. — Чтобы сделать имя, придется пахать в два раза больше, потому что тебе придется оправдать все, что ты успел завоевать в Европе, и показать, что это было лишь началом и ты способен на большее.

— Я понимаю.

— Надеюсь. Иначе мы не сработаемся. Чего ты хочешь? — Аслан отодвигает от себя чашку, переплетает пальцы и прикладывает раскрытые ладони, похожие теперь на бабочку или птицу, к груди. Он наблюдает за мной, медленно двигает головой, пристально разглядывая.

— Хочу четкого плана развития. Боев, которые действительно что-то значат. Роста, а не просто набивания рекорда, — показываю ему, что отлично понимаю, о чем мы говорим.

— Подробнее, — просит Аслан.

— Один год. — отгибаю один палец. — Я завоюю имя. Не только победы, — качаю головой. — Хочу, чтобы люди об этом говорили. Два года, — показываю второй, — и я буду бороться за титул.

— Амбициозно, — промоутер растирает ладони и снова устраивает их на груди.

— Реалистично, если все сделано правильно.

— Для разных людей «правильно» означает разное, — замечает он. — Для меня правильно — не бросать бойцов в мясорубку, чтобы наделать шума. Я выращиваю их, как нас выращивает хороший тренер, стабильно, но быстро, если они могут это вынести. Я не выбираю слабых противников. Я выбираю правильных. Понимаешь? — Его взгляд снова смотрит прямоком мне в голову и уже копаются в моих мозгах.

— Понимаю. Что насчет денег? — прямо спрашиваю у него.

Аслан улыбается, подается вперед.

— Зависит от того, что ты покажешь. Вначале много не будет, но в контракте прописан встроенный процент роста. Схема простая: я зарабатываю, когда ты зарабатываешь. Если ты стоишь чего-то, тебе платят.

— Контракт долгосрочный?

— Гибкий. С условиями, которые защищают меня от неожиданностей. Я не люблю, когда боец внезапно «меняет свое мнение» на пике.

— Я не собираюсь прыгать из стороны в сторону.

— Все сначала так говорят, а потом... — ухмыляется он. — Разные бывают ситуации.

— Я. Не. Все, — четко разделяю слова.

— Вот и увидим. Дальше, — он делает жест ладонью, будто перелистывает страницу, — СМИ. — Тут мне хочется закатыть глаза. Пожалуй, это самая неприятная часть разговора. — Интервью, имидж, поведение, — перечисляет Аслан. — Я создаю не просто победителей, я

пишу их историю. Люди платят не только за красивые бои, они платят больше, если у бойца есть красивая история.

— Звучит неплохо, но... — качаю головой.

— Здесь нет никаких «но», Вик, — резко перебивает он. — Иногда нам приходится делать то, что не нравится, чтобы добиться успеха. Хочешь сделать имя? Я сделаю его тебе. Но ты полюбишь камеры, неудобные вопросы и всех тех людей, которые будут их задавать. О тебе должны говорить.

Да, я все это знаю. Вайс тоже раскачивал меня в медиа, потом отец таскал по разным мероприятиям, где приходилось быть «хорошим мальчиком» и улыбаться. Мне от этого не уйти, если я хочу получить результат, к которому двигаюсь столько лет.

— Я в деле, — подтверждаю свои мысли вслух.

— Теперь продай мне себя, — предлагает Аслан. — Что отличает тебя от десятка таких же парней?

— М-м-м... Я думаю на ринге, — выделяю одно из главных качеств.

— Многие думают, — его этот ответ явно не устраивает, — пока их не ударят. Потом злость, адреналин, куча ошибок.

— Я тоже пропускаю удары, но... — делаю паузу и усмехаюсь, помня его недавние слова. Аслан ждет продолжения. — Меня научили контролировать эмоции. И еще, — сразу добавляю: — Я не боюсь неприятных боев. Если это продвигает меня вперед, я на это согласен.

— Теперь интересно. Я запомню это, — кивает Аслан. — Чаще всего именно тут начинаются трудности. Теперь давай о личном. Как ты понимаешь, я изучил твою биографию. Меня интересует реальное влияние отца на твою жизнь и тем более на спорт. — Я напрягаюсь, слушаю внимательно. — Если он захочет что-либо решать в переговорах или боях — это проблема. Не главная. Но все же проблема.

— Он не будет принимать решения, — категорично отвечаю промоутеру. — Бокс — это только моя территория.

— Хороший настрой. — Его лицо выражает удовлетворение. — Вот что я могу предложить, Виктор: три боя в течение следующих восьми-девяти месяцев. Первый — тест. Второй — бой за имя. Третий — либо серьезный контракт, либо титульный поединок, если все пойдет хорошо. Наряду с этим тебя ждет регулярная работа со СМИ и правильное продвижение, грамотная программа тренировок, режим сна и питания. Твоя жизнь будет под моим контролем, пока у тебя нет агента.

— Ты не работаешь как промоутер и агент одновременно? — уточняю у него.

— Работаю, но лучше, когда каждый занимается своим делом. Мы можем рассмотреть Тику в качестве члена команды.

— Тику? — удивленно раскрываю глаза.

— Да. У него есть все, что нужно, чтобы выполнить эту задачу. Думаю, он станет для тебя отличной «нянькой», — смеется Аслан. — Поговори с ним об этом. И хорошо подумай, действительно ли готов к тому, что я предложил.

— Готов, — уверенно отвечаю. — Иначе я не искал бы пути на большой ринг.

— Не торопись с ответом, Вик. Речь не об уверенности. Речь о дисциплине каждый божий день. Это игра в долгую. Никаких импровизаций, ненужных рисков, чтобы потешить свое эго.

— А если риск оправдан? — уточняю я.

— Тогда это не риск, это расчет. А это моя работа.

— Я согласен, — подтверждаю то, что и так уже озвучил.

Аслан смотрит на меня своим фирменным взглядом несколько долгих секунд, а затем протягивает руку через стол. Я сжимаю его ладонь, он перехватывает ее крепче и, не отпуская, произносит:

— Мы начинаем работу, но помни, Вик, я даю возможности. Что ты с ними сделаешь, это твое дело.

Только теперь он отпускает мою руку, откатывает коляску от стола и первым возвращается к парням. Я сижу за дальним столиком еще некоторое время, осмысливая наш разговор. Все получилось. Отец будет в бешенстве, ведь я снова продинамил его промютера и принял решение без его участия. Я также думаю о Тике как о своем возможном агенте. Мы почти не знакомы, и он совсем немного старше меня, но, похоже, этот парень успел многого добиться, а к успешным людям стоит присматриваться внимательнее.

Боковым зрением замечаю движение. Вера ерзает на диване, поправляет шляпу.

Черт! Мне нужно вернуться к ней. Я ведь обещал.

Поднимаюсь и иду к их столу. Сажусь рядом, беру ее за руку, ощущая прохладу тонких пальцев. Аслан внимательно наблюдает за нами, и я неожиданно для самого себя отпускаю ладонь Лисенка. За столом повисает короткая пауза.

— Поговорим о нашей площадке. — Тишину разрезает бодрый голос Тики, за что я ему очень благодарен.

Все оживают. Аслан прекращает меня сканировать.

— Ты не мог бы отвезти меня домой? — тихо спрашивает Лисенок.

— Конечно. Поехали, — щелкаю ее по борту шляпы. Та сползает на глаза, Вера смешно фыркает и снова поправляет ее.

Прощаемся с парнями. Перекидываемся парой слов с Асланом насчет планов на завтра, и я подталкиваю Веру вперед, в сторону выхода.

На улице находим мою машину. Часть гостей уже разъехалась, и тут стало свободнее. Помогаю Лисенку устроиться в салоне. Сажусь за руль, завожу двигатель и плавно выезжаю с территории «Хаоса».

— Тебе понравилась вечеринка? — кошусь на то, как она положила шляпу на колени и отгибает, а затем загибает обратно ее борт.

— Да, было весело. Спасибо, что позвал, — смотрит даже не в окно, а перед собой.

— Что-то не так?

— Все хорошо. — Она поворачивает ко мне голову и улыбается, только в медовых глазах застыла грусть. — Переговоры прошли успешно?

— Да.

— Тогда я поздравляю тебя с этим. — В ее голосе тепло, но я снова смотрю в глаза.

Светофор и уличный свет проникают в салон, создавая причудливые тени прямо на ее лице. Каштановые волосы растрепались от танцев, и косички выглядят небрежно мило. Мой взгляд опускается ниже, на приоткрытые губы. Их хочется коснуться прямо сейчас. Может быть, чтобы извиниться за то, что одернул руку. А может, просто потому, что я хочу их касаться.

Удобнее перехватив руль, ослабляю ремень безопасности идвигаюсь к ней. Вера поднимает на меня взгляд, наполненный вопросами, грустью и невинностью.

Резкий сигнал автомобиля, стоящего за мной, разрушает магию момента. Прочистив горло, выравниваюсь за рулем и трогаюсь с места. Довожу ее до дома. Дальше она снова сама. Бросив мне короткое «пока», убегает и скрывается за дверью. А я резко выруливаю обратно на проезжую часть и гоню в свой район на максимально допустимой скорости.

Когда останавливаюсь, сначала смотрю перед собой, а затем беру телефон и пишу Лисенку сообщение:

Я: «Ты дошла до дома?»

Долго жду ответа. Минут пятнадцать.

Лисенок: «Да».

Я: «Точно все нормально?»

Лисенок: «Конечно. Все хорошо».

Я: «Приходи...» — стираю. Думаю, жуя губу. — «Придешь...» — снова стираю. — «В понедельник новая тренировка у социальной группы. Ты можешь прийти» — отправляю такой вариант.

Теперь она долго-долго думает.

Лисенок: «Зачем?» — присылает мне свой фирменный вопрос.

Чтобы мы еще провели время вместе? Чтобы я тебя увидел? Чтобы ты была рядом? — перебираю в голове варианты. Так себе они все, после того жеста в клубе.

Я: «Мне кажется, ты вдохновила того парня на продолжение тренировки» — пишу полную чушь.

Лисенок: «Я?. Но я ведь ничего не сделала».

Я: «Это ты так думаешь» — смеюсь, чувствуя себя идиотом.

В чем проблема просто пригласить девушку на еще одно свидание?

Наверное, в том, что сегодня было не свидание, а дружеская встреча.

Лисенок: «Я пока не знаю, Вик. Если получится, то приду».

Я: «Договорились!» — радуюсь тому, что не получил категоричное «нет».

Только после этого загоняю машину на парковку и поднимаюсь в квартиру. На кухне застаю удивительную картину для этого времени суток. Моя мать и Лера сидят на кухне за чаем и о чем-то разговаривают.

— Отец в ярости, Виктор, — сообщает мне мама.

— Переживу. Что ты здесь делаешь? — спрашиваю у Леры.

— Мы заболтались, — за нее отвечает мать. — Я решила не отпускать ее домой так поздно.

— Хорошо. Дай мне пять минут, и я тебя отвезу, — обращаюсь к невесте, поднимаясь на несколько ступенек.

— Вик, я уже сказала ее родителям, что она останется у нас, — не унимается мама.

— Круто, — рычу на нее и бегом добираюсь до своей комнаты.

Скидываю одежду в корзину для белья, захожу в душ и встаю под холодную воду. В моих мыслях губы Веры, ее взгляд в машине, тепло ее ладони до того, как я накосячил. Сердце стучит быстрее, мышцы напрягаются одна за другой. Переключаю воду на теплую. Медленно выдыхаю, стараясь расслабиться. У меня даже получается в какой-то момент, если не думать о...

... Лере, сидящей теперь на моей кровати с самой сексуальной из своих улыбок.

Глава 15

Вера

Долго стою у двери, прежде чем вставить ключ в замок. В такие ночи звуки становятся громче, а мысли тяжелее. Надо войти туда, там бабуля.

Ключ поворачивается с металлическим щелчком. В нос сразу бьет застоявшейся вонью вечно пьяного отца и его дешевого курева. Вешаю куртку, стягиваю кроссовки и на секунду замираю, уткнувшись лбом в холодную стену.

Перед глазами снова вечер. Музыка, бьющая в грудь. Красивые, беззаботные люди, заполнившие танцпол. Свет, лучами разрезающий пространство клуба на неравные геометрические фигуры. И Виктор. Всегда рядом.

Захожу на кухню, набираю воды в чайник, но не включаю. Стою, смотрю на него, пытаюсь понять, зачем вообще сюда пришла, ведь я не хочу чай. Мысли крутятся, цепляются одна за другую, не давая собраться.

Мне было хорошо. Это первое, что я признаю. С Виком спокойно.

Сжимаю пальцы, вспоминая, как он держал меня за руку. Крепко, уверенно. И я не боялась, хотя иногда действительно чувствую себя дикой. За последнее время я слишком привыкла обороняться. Привыкла к человеческой жестокости, к несправедливости, к трудностям, которые иногда кажутся невыносимыми. Даже привыкла к мысли, что так и буду справляться со всем одна, но тут появился он. Домой провожает, разговаривает на интересные темы и смотрит как на человека. А сегодня...

Тяжело сглатываю, вспоминая тяжесть его дыхания, тьму, наполнившую его серые глаза. Не страшную. Скорее, притягательную. Из этой тьмы он смотрел на меня как на девушку.

Глупость, конечно, но от его взгляда кололо губы и сжималось сердце.

Я не знаю, что с этим делать!

Отворачиваюсь от чайника, наливаю себе воды из-под крана. Делаю глоток и морщусь. Она кажется мне горькой. Я даже принимаю ее к стакану. Вдруг отец его грязный, из-под выпивки, засунул в шкаф. Но нет, все в порядке, это лишь мое волнение.

Закрываю глаза.

Машина. Темнота. Тишина. Вик. И я бы не оттолкнула его в этот момент. Это было бы моей самой большой глупостью, первым поцелуем, и... Да черт! Я бы пожалела об этом, но просто не смогла бы оттолкнуть.

А потом холодной, отрезвляющей мыслью меня возвращает еще немного назад, когда обычный жест обжигает. Он отдернул руку. Я даже не поняла, что произошло в этот момент, ведь весь вечер Виктор не отпускал меня, а тут раз — и все, словно нитка оборвалась в неподходящий момент.

Резко открываю глаза. Трясу головой, будто могу вытряхнуть эти мысли. Мне не нужно об этом думать.

Нет, не нужно.

Подхожу к окну, отодвигаю штору, смотрю на темный двор. На другой стороне паркуется машина, освещая фарами разбитый асфальт. Вот она, моя реальность. Я обязательно из нее выберусь. Главное, не потерять голову.

Слышу, как тихо приходит сообщение на телефон. Не тороплюсь читать. Ищу свое странное равновесие в трещинке на стекле, в шершавом подоконнике, в каплях воды, падающих в раковину из-за того, что я плохо затянула вентиль. И только когда закрываю его покрепче, беру мобильный и читаю заботливый вопрос от Вика:

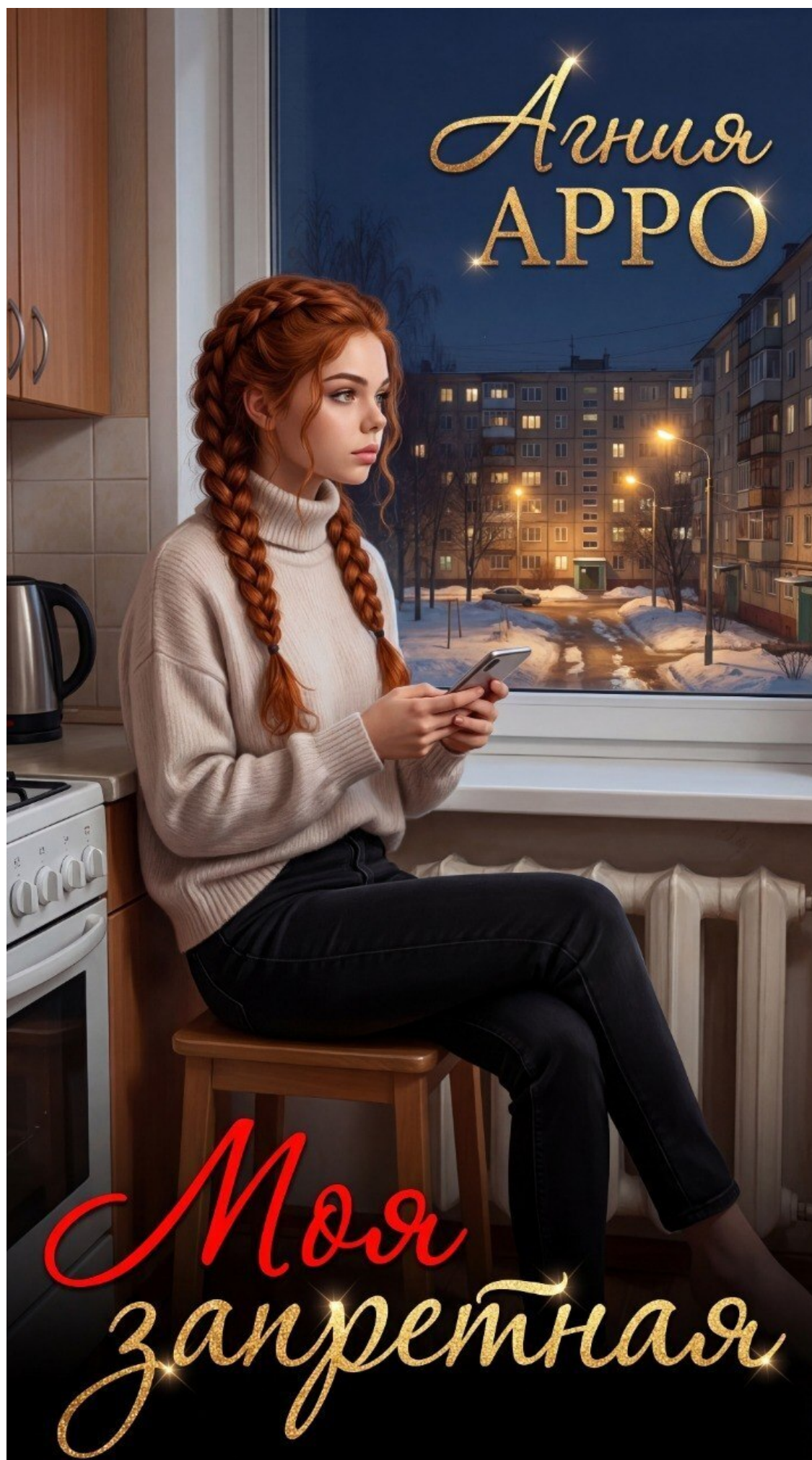
«Ты дошла до дома?»

Улыбаюсь. Дура такая, господи!

Ну приятно же, и ничего с этим не поделать.

Отвечаю. Мы переписываемся какое-то время. Вик снова зовет на тренировку.

Сажусь на табуретку, подтягиваю ноги, обнимаю себя за колени. Смотрю на экран, перечитываю его слова и задаю осторожный встречный вопрос. И что он делает? Придумывает совершеннейшую глупость про того подростка из клуба. Сама не замечаю, как тихо смеюсь, качаю головой и обещаю подумать.

Если я приду, снова окажусь рядом с ним. Снова буду смотреть, как он двигается, как говорит, как смотрит на других. Как смотрит на меня. Все еще сильнее запутается.

Резко выдыхаю и встаю.

Нет! Мне это не нужно. Дистанция будет правильным решением. Эмоции после сегодняшнего вечера улягутся, и мы оба вспомним, что собирались просто дружить. Это правильный вариант. Он единственно реальный и возможный.

Выключаю свет и осторожной мышкой прокрадываюсь в спальню. Проверяю бабулю.

— Я горжусь тобой, — шепчу ей. — Ты обязательно заговоришь.

Поправляю ее одеяло и ложусь на свою кровать. Отворачиваюсь к стене, закрываю глаза. Бубню под нос учебный материал, чтобы больше не думать о Викторе. «Пролежни» в данном случае полезней.

Хихикаю. Какая романтика! Вот рассказать бы ему об этом перед тем самым моментом в машине...

Кусаю губы, зажимаюсь сильнее. Надо поспать. Мое утро наступит слишком рано, и мне понадобится много сил, чтобы справиться с еще одним днем.

Встать все равно оказывается тяжело. Все время зеваю, умываясь холодной водой. Бабушку нужно приподнять, точнее, повернуть на бок, чтобы протереть спину, все там обработать, поменять пеленку. Потом обязательно покормить, сделать укол.

— Ты у меня такая легкая стала, — говорю ей, нанося средство на тонкую кожу в подживших ранках.

На самом деле это очень сложный процесс, он отнимает у меня много сил, но я стараюсь говорить беспечно, с задором, чтобы бабуля не нервничала. Нельзя ей. Регресс нам ни к чему.

«Так, что с моими собственными планами?» — думаю, устало присев за письменный стол.

Понедельник. Училище, потом надо заехать в поликлинику к бабушкиному лечащему врачу и напомнить, что он должен к нам прийти в ближайшие дни, иначе обязательно «забудет». Затем я вернусь домой, приготовлю поесть, позанимаюсь с бабушкой и поеду на работу в бар. Все предельно понятно, а главное, в моем расписании нет маршрута, пролегающего ко Дворцу спорта.

— Дистанция, — напоминаю себе. — А Виктору я обещала лишь подумать.

Но после обеда все равно то и дело поглядываю в телефон. Ради любопытства, конечно. Кроме глупых уведомлений ничего нет. И вечером тоже. Или у него что-то случилось, и как хороший друг я должна написать сама и спросить об этом. Или...

Глава 16

Виктор

Бью быстрее, чем обычно. Жестче. Злее. Перчатка глухо врезается в мешок, и каждый удар отдается в костяшках, в запястьях, в плечах. Пот заливает глаза, дыхание сбивается, но я не останавливаюсь. Мне нужно выжечь из себя новые эмоции.

А все это потому, что сегодня вторник, а вчера был понедельник, и она не пришла. На звонок не ответила, сообщение не прочитала.

День прошел быстро. С утра я ездил в универ, потом работал на тренажерах, созванивался с Асланом по юридическим вопросам и снова занимался с мальчишками из социальной группы. Под конец тренировки заскакивал Тика, пошутил про мою кислую мину и привез агентский договор для ознакомления. Мне показалось, Терехов напрягся, когда увидел это, но я могу ошибаться, потому что был занят тем, что сканировал вход и ждал маленького Лисенка.

Я сказал неправильную фразу: «Ты можешь прийти» вместо «Приходи» или «Я буду тебя ждать». Дал выбор, и вероятно, она его сделала. Я думал, тот вечер нас сблизит, а вышло наоборот.

Нет, я не собираюсь отступать, но сейчас я зол и мне нужно успокоиться. Ее игнор неожиданно выбил меня из привычного равновесия. Что у девчонок в голове в этот момент, интересно? И какого черта меня это так цепляет?!

— Хватит долбить, — доносится голос Терехова откуда-то сбоку. — Что сделал тебе этот мешок?

Останавливаюсь и отхожу в сторону, снимаю перчатки, вытираю лицо полотенцем. Дышу тяжело, а внутри вроде все немного разжалось и перестало гореть.

— Я в норме, — бросаю тренеру.

— Вижу. — И смотрит внимательно, будто пытается понять, что именно меня сейчас так знобит.

Отвожу взгляд.

— Разогрелся просто.

— Да я понял, понял, — хлопает меня по потному плечу. — Остынь немного. Потом в пару встанешь.

Киваю, но не двигаюсь. Стою, уставившись в пол, пока дыхание окончательно не выравнивается. Скрип колес по покрытию зала заставляет поднять голову. Аслан приехал. Здравается с Тереховым, бегло осматривает зал. Правый уголок его губ едва заметно вздрагивает, приподнявшись выше, но тут же все становится на свои места.

— Хорошо у вас тут, — комментирует он.

— Не жалуемся. Я так понимаю, нас ждет плотная совместная работа. Юрий, — первым представляется тренер.

— Аслан. — Мой промоутер первым протягивает ему руку.

Как интересно...

Салманов отдает тренеру флешку. Тот убирает ее в карман.

— Там условия, на которые мы подписались. Надо обсудить план тренировок, турнирные бои между основными событиями. Боец не должен сидеть на месте, но и «убить» его у меня цели нет. С нами также будет работать агент. Я думаю, с ним вы будете видеться чаще. Он подъедет минут через двадцать.

— Твой боец рвется на ринг уже вчера, — со смешком отвечает Терехов. — Он в хорошей форме, но к турниру пока не готов. Что у вас с Федерацией?

— Я занимаюсь этим вопросом. Как только все оформим, сообщу. Что касается турнира, я бы посмотрел на него на ринге в мае. Почти два месяца на подготовку и адаптацию. Вполне реально.

— Пока не согласен, — отрицает тренер. У меня внутри все напрягается. Даже май кажется очень далеким, но это лучше, чем просидеть все время без реальных соперников. — Вик, остыл? — обращается ко мне.

— Да.

— Олег, забирай его, — говорит второму тренеру. — Понаблюдаешь за подопечным? — предлагает Аслану. — Потом пойдем в тренерскую, поговорим более обстоятельно.

Включаюсь в работу и больше ничего не слышу, только чувствую на себе две пары внимательных глаз.

Олег надевает лапы, коротко бросает: «Уход в сторону — джеб — кросс. Без остановок».

Отрабатываю серии, уходя с линии после каждого удара. Тренер смещается, атакует левой, заставляя провалиться в защиту и сразу ответить кроссом. Так мы проходим круг за кругом, он нагружает ноги, следит за реакцией, почти не давая пауз, и это именно то, что нужно контрударнику: терпение, взрыв, снова терпение. Тело всегда в работе, голова тоже.

— Добро, — иногда произносит Олег. Это значит, что пока все хорошо, парни мне уже объяснили.

— Давай, немец, — слышу уже знакомую усмешку, — покажи им, что я не зря на тебя поставил.

Тика, мать его!

Улыбаюсь и едва не выхватываю лапой за это. Вовремя ухожу в защиту. Слышу, как этот засранец ржет, а Юрий Германович что-то ворчит, не разобрать. Мне почему-то кажется, там было нечто нецензурное.

Работать становится веселее, и я неплохо заканчиваю тренировку. Олег удовлетворен, я в целом собой доволен.

— Здарова. — Тика толкает меня кулаком в плечо. — Договор посмотрел?

— Да, я ответил тебе на почту.

— Не видел еще. Дома не был со вчерашнего вечера. В ауте. Давай так обсудим, если есть что обсудить.

— Нечего. Там все нормально. Можем подписать, — вытерев пот со лба, отвечаю ему.

— Отлично. Тогда сегодня мы здесь все решим, я выплуюсь и наберу тебя. Юрий Германович, — так дьявольски улыбается тренеру, что даже мне становится немного не по себе и одновременно очень смешно.

— Боже, дай мне сил дожить до пенсии, — выдает Терехов и зовет Аслана и ржущего Тику за собой.

— Вик, — Салманов разворачивается у выхода, — дожись меня где-нибудь. Мне нужно кое-что с тобой обсудить потом.

— Окей, я буду в столовой.

— Пирожок мне купи. — Тика всовывает голову обратно в зал. И как только услышал? — С картошкой. Нет, — тут же морщит нос. — С капустой.

— Хорошо, — улыбаюсь ему.

Прощаюсь с Олегом и парнями. Ухожу в душ, а затем в раздевалку. Привожу себя в порядок и отправляюсь на охоту за пирожком. Самому есть не особенно хочется. Беру только стакан апельсинового сока, он здесь вполне приличный.

Сажусь за один из дальних столов, утыкаюсь в телефон, а точнее, в чат с Лисенком. Ее нет в сети. Надо будет заехать вечером. Я не знаю номер ее квартиры, может, кто-то подскажет. Вдруг ей нужна помощь? Те синяки на ее коже все еще не дают покоя.

Моргаю и вижу, что статус изменился. Под ее именем теперь красуется «в сети», только толку нет. Она не пишет, не звонит и все еще не отвечает. Медленно выдыхаю, чтобы вновь не взорваться. Я должен себя контролировать. Найду ее и узнаю, что происходит.

— Чего хмурый такой? — Тика садится напротив и тут же хватается за пирожок. — М-м-м, божественно, — урчит, аппетитно жуя.

— Ты, судя по всему, не только не спал, но еще и не ел в последнее время, — замечаю я.

— Так и есть. «Хаос» еще молодая сетка. Забирает себе много времени и сил, — разводит он руками и заталкивает в рот остатки пирожка. — О, Аслан, — указывает мне за спину. — Хочешь пирожок? — предлагает ему, глядя на оставшуюся в тарелке выпечку голодными глазами.

— Ешь, — ухмыляется промоутер, устраиваясь справа от меня. — Итак, к делу. Сразу предупреждаю, мы работаем над общим проектом. Ничего личного у тебя больше нет. Твоя жизнь находится по нашим контролем. Даже твой секс находится под нашим контролем.

— Да-да, — подтверждает Тика.

— К чему ты это? — не понимаю я.

— К тому, что я задаю тебе вопросы, ты на них честно отвечаешь, без всякого «это личное». Мне нужно понимать статусы твоих женщин. Я видел рядом с твоим именем имя девушки — Валерия Беляева. Кто она тебе?

— Невеста, — скрипнув зубами, отвечаю ему.

— А чего так безрадостно? — с долей ехидства интересуется Тика. — Не нравится?

— Скажем так, это не мой выбор, это обязанность, — поясняю ему.

— Понимаю. Я своего батю вместе с его обязанностями нахер послал, но тебе сложнее, там политика, публичность, — говорит очень странным тоном. — Паршиво, в общем. А кто тогда та милая девочка с косичками?

— Именно, — подтверждает Аслан. — Кто она?

— Подруга, — произношу вслух и понимаю, что мне не нравится эта формулировка. Я хочу, чтобы была ближе, чтобы...

— Она из народа, я так понимаю. — Салманов врывается в мои мысли.

— Да. Обычная девчонка. Хорошая очень.

— Как жаль. — Он задумчиво стучит пальцами по столу.

— Почему жаль? — интересуется Тика. — Невеста не жена, подвинем.

— В смысле? — физически чувствую, как мои глаза округляются. — Что вы задумали?

— Понимаешь, Вик, — Аслан подается вперед, — тебе нужны фанаты, которые будут создавать шум, оказывать поддержку на боях, разносить новости по всему интернету. — Вряд ли они будут в восторге от богатой невесты. Это практически невозможно раскрутить. В этом нет эмоций.

— Мне уже не нравится, — кручу головой.

— Слушай, — серьезно произносит Тика.

— Красивая классика, Вик, это бедная девочка из простых людей и европейский боксер из богатой семьи, — продолжает Аслан. — История любви, которая побеждает все, и боец, который побеждает на ринге. Вот чего хотят люди. Вот что сработает. Мы могли бы написать настоящую историю побед по всем фронтам. Это выгодный пиар.

— И вы неплохо смотрите вместе. — Слова Тики снова звучат как-то двусмысленно. — А еще можно подразнить папу. Сплошные плюсы.

— Вера не игрушка! — заводжусь я.

— А мы и не играем, Виктор, — жестко осаживает Аслан. — Ты хочешь в серьезный профессиональный спорт? Хочешь имя? Титул? Это не игра. Это теперь твоя жизнь, я уже сказал тебе. И ты на эту жизнь согласился. Передумал?

— Нет, — тяжело сглатываю, ощущая каждую мышцу в своем теле.

— Тогда подумай над моим предложением.

— Отец будет создавать проблемы, — привожу еще один аргумент против. — Беляевы не просто друзья семьи, они союзники и партнеры. Он не позволит все это уничтожить, ведь это фактически пощечина, публичное унижение.

— Сплошные плюсы, — усмехается Тика.

Смотрю на него и не понимаю, он реально серьезно? У него ведь тоже бизнес, а мой отец имеет достаточно влияния, чтобы создать неприятности всем.

И Вера. Мои мысли так и возвращаются к ней. Я хочу... Черт побери, я ведь правда хочу согласиться. Хочу быть с ней. Мне кажется, я... Фак! Меня чертовски к ней тянет.

— Скоро у моей семьи мероприятие, на котором я должен появиться с Лерой, — помолчав, говорю им.

— Это плохо. Продать «изменщика» будет сложнее.

— Фу. — Меня передергивает от такой формулировки.

— Решение придется принять раньше. Вик, ты хочешь результат. Мы сделаем результат, сделаем имя, если ты хорошо покажешь себя на ринге и...

— Я понял, — грубо перебиваю его. — Большой спорт не бывает без риска.

— Без риска жить скучно, — улыбается Тика. — Вера — хорошая девочка. Мы ее не обидим.

— Он прав. Может быть, эта история закончится хорошо. — Аслан пристально смотрит мне в глаза.

Прикрываю веки. Считаю от десяти до нуля, слыша, как молотит по ребрам сердце. Оно заглушает все мысли, превращая их в тяжелый гул. Мышцы от напряжения уже гудят. Руки сжаты в кулаки и пальцы онемели.

— Я согласен, — тихо отвечаю им.

— Хорошо, — спокойно отзывается Аслан. — Ты же понимаешь, что она не должна узнать о плане? Все должно быть по-настоящему, чтобы люди поверили в сказку.

Я делаю глубокий, тяжелый вдох. Снова считаю про себя. Три, два, один.

— Да, я все понимаю.

Глава 17

Вера

Трель звонка разносится на всю квартиру. Отец недовольно высказывается, когда я прохожу мимо. Конечно, его дружки сюда как к себе домой ходят, а тут кто-то нормальный объявился. Открываю дверь и чувствую некоторое облегчение. Не придется сегодня снова делать дугу через районную поликлинику.

— Здравствуйте, Анна Витальевна, — отступая в сторону, пропуская бабушкиного лечащего врача в прихожую. Она тут же брезгливо морщится, ведет плечами, но все же берет себя в руки и даже улыбается, натянуто искривив губы.

Мне плевать. Я привыкла к такому и отлично понимаю людей. Кому будет приятно ощущать эту вонь, которая пропитывает и волосы, и одежду, и видеть пропитого, грубого мужика в растянутых штанах, а то и без них. Гадко. Разве поспоришь?

Пока она моет руки, приношу из комнаты чистое полотенце. Анна Витальевна смотрит на него с осторожностью. Я стираю! И убираюсь тоже. Делаю все, что в моих силах, чтобы эта квартира не превращалась в свинарник.

— Как у вас дела? — Врач разбавляет неловкость вопросом.

— У нас прогресс. Бабушка пробует произносить мое имя.

— Да ты что? — удивляется она. — Надо же, я думала все уже безнадежно. Ты молодец, веришь в нее. Не зря тебе дали такое имя.

Смешно. Имя тут вообще ни при чем. Будь я Машей или Наташей, все равно бы занималась с родным человеком и не сдавалась до последнего, но дело, конечно, в имени.

Вдыхаю через нос и выдыхаю, чтобы успокоиться. Сегодня меня с утра все раздражает. Устала, много думала о Викторе и о том, что веду себя глупо, надо все же что-то ему написать. И дни цикла еще такие, отец в жестком запое. Все, как всегда, в одно время.

Веду врача за собой через комнату отца. Как только мы входим, он поворачивает голову и грубо спрашивает:

— Ты кто такая?

— Проходите, — шепчу Анне Витальевне. — Это врач, — поясняю для отца.

— Врач. — Он кривит свои опухшие губы.

Подрался вчера у подъезда, под глазом красуется черный синяк, лицо еще больше отекло. Соседи полицию вызывали. Те приехали и, конечно, уехали. Протокол только составили. Мне теперь штраф придется заплатить за этого алкаша.

— Куда пошла? Я тут больной, — каркаяще смеется и тут же кашляет.

— Угу. На голову, — бормочу себе под нос, входя следом за Анной Витальевной в нашу с бабулей комнату.

Тут светлее и пахнет, честно говоря, приятнее, несмотря на лежачую больную. Я проветривала недавно и протерла все поверхности с ароматным чистящим средством.

Подставляю стул к функциональной кровати, сама отхожу в сторону, чтобы не мешать осмотру. Анна Витальевна садится, аккуратно поправляет халат. Достает из сумки фонендоскоп, тонометр, бланки для заполнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.